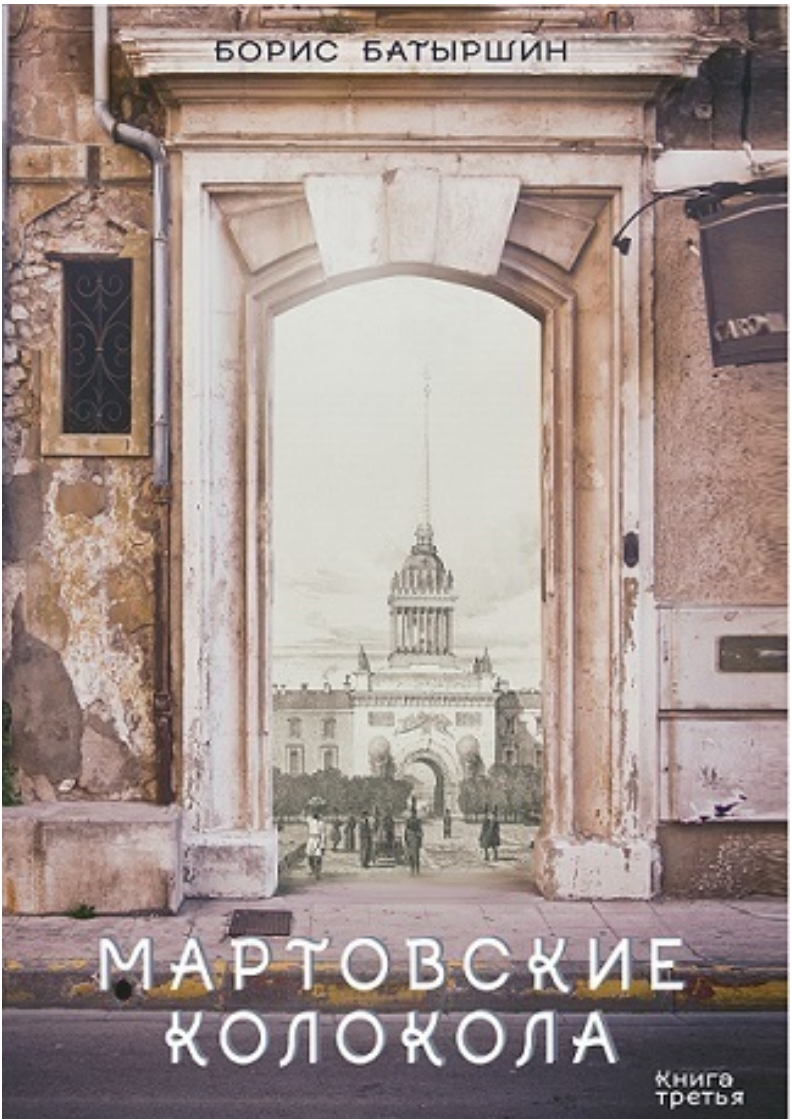
БОРИС БАТЫРШИН



МАРТОВСКИЕ КОЛОКОЛА

Книга третья

Борис Борисович Батыршин
Мартовские колокола
Серия «Коптский крест», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9470266
Мартовские колокола: Альфа-книга;

Аннотация

Занимательная прогулка в прошлое закончилась, и теперь героям предстоит вступить в жестокую схватку. На кону – судьба страны и десятки жизней; надеяться остается только на себя и своих друзей. И даже риск навсегда остаться в прошлом и разделить судьбу его обитателей – это, как выяснилось, не самое страшное. Враг не дремлет: бомбисты-народовольцы, нашедшие общий язык с политическими радикалами из будущего, – вот взрывоопасный коктейль, который способен вывернуть наизнанку всю историю Российской империи.

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 30
Глава 3 49
Глава 4 70
Глава 5 84
Глава 6 109
Глава 7 128
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Борис Батыршин
Мартовские колокола

© Борис Батыршин

Часть первая
Гимназический вальс, или Игра в одни ворота

Глава 1

Осенний день был чудесен. Нежаркое сентябрьское солнышко щадило затянутых в сукно и толстую кожу людей; короткий, теплый еще дождик прибил пыль, поднятую лошадиными копытами. Воздух над полями и невысоким, увенчанным сосновым бором откосом был прозрачен, как наилучший хрусталь, а потому издали можно было различить и шитье на офицерских мундирах, и императорские вензели на ташках гусар, и латунные кокарды киверов. Правда, время от времени ряды войск затягивала сплошная ватная пелена порохового дыма; а уж когда стреляли двухфунтовки, стоящие у самого моста, дымные столбы вылетали из их жерл на много метров вперед, закрывая от наблюдателей все: и сдвоенные ряды парижских волонтеров в нарочитых обносках и «революционных» треуголках, и разворачивающихся на фоне горящих изб кирасиров, и серых с красным гусар Третьего полка, стоявших где-то на дальнем от ручья фланге, возле редких кустов тальника.

– A gauche convetion marche![1]

Неровная линия кавалеристов в серых с красными шнурами на ментиках принялась разворачиваться влево. Крайний высокий худощавый – единственный, чей мундир был украшен серебряным шитьем, – обернулся, привстав на стременах. От стоящей вдали группы всадников скакал адъютант в роскошном белом кольбаке и голубом ментике, отороченном белым же мехом. На скаку он махал рукой в сторону русских позиций и неразборчиво кричал.

Всадник в серебряном шитье – видимо офицер, командир небольшого отряда, – поморщился и повернулся к гусарам:

– Serrez vous range! Prepare pour charge![2]

По серой с красным шеренге прошло шевеление. Верховые принимали влево, сокращая интервалы; малое время спустя они уже стояли колено к колену, выжидающе поглядывая на офицера. Лишь один, правофланговый, боролся с заигравшей некстати кобылой – та мотала головой и дергала повод. Всадник шипел и нехорошо ругался.

– Sabre a maine! Portez vous arme![3]

Залязгало; высверками вылетели из ножен и легли на плечи клинки. Одна-две лошади испуганно дернулись, но остались в строю. Адъютант подлетел к офицеру и, наклонив-

---

[1] A gauche convetion marche(*фр.*) – изменить направление налево.

[2] Serrez vous range! Prepare pour charge!(*фр.*) – Сплотить ряды! Приготовиться к атаке!

[3] Sabre a maine! Portez vous arme!(*фр.*) – Сабли в руку! На плечо!

шись, принялся что-то говорить; в стороне как раз бабахнула двухфунтовка, и лошадь адъютанта, присев на зады, резко отпрянула от источника звука – тот еле удержался в седле. Гусарский офицер кивнул, опустил руку с саблей к стремени и слегка приподнялся в седле:

– Au trot marche![4]

Шеренга двинулась. Гусары по-прежнему держали сабли у плеча. Впрочем, кое-кто взял клинок перед собой, наискось конской гривы, что, похоже, было против правил – офицер недовольно покосился на нарушителей, но удержался от замечания. Кони шли ровно, всадники держались колено к колену; лишь игривая рыжая правофлангового мотала головой, норовя вырваться из строя вперед.

– Au galope marche![5]

Ухнуло. Пехотинцу, стоящему крайним в небольшой группе, мимо которой как раз проходили гусары, показалось, что под ним дрогнула земля; солдат поспешно шагнул в сторону. Серомундирная шеренга прянула, стремительно теряя стройность: несколько всадников, в том числе крайний гусар на рыжей кобыле, сразу вырвались вперед – кто на полкорпуса, а кто и на целый лошадиный корпус.

– Charge![6]

Сабли разом взлетели: серые не крутили ими по-казачьи

---

[4] Au trot marche!(*фр.*) – Рысью марш!

[5] Au galope marche!(*фр.*) – Галопом марш!

[6] Charge!(*фр.*) – В атаку!

над головой, а вытянули вперед, подобно копьям, между лошадиными ушами. Клинки они держали плашмя, оборотив кисти пальцами вниз. Впереди – рукой подать! – колыхалась буро-сизая масса крестьян в суконных армяках, обшитых мехом безрукавках. Среди моря бесформенных шапок – виднелись кое-где кивера и папахи с ополченческими крестами. Навстречу гусарам качнулся частокол двурогих свежеобструганных вил, кос, насаженных торчком; замелькали в толпе топоры на длинных, на манер алебард, древках. Из толпы партизан ударил выстрел-другой, но это не могло уже остановить стремительного наката серо-алых.

Почти достигнув щетины выставленных навстречу острий, верховые приняли влево и уже по одному поскакали, вкруговую обтекая партизан. Те, сбившись в плотную группу, напоминали теперь сердитого ежа: гусары, кружась вокруг этой колючей массы, с замаха рубили по выставленным древкам; летели щепки.

– Ну вот, судари мои, они и попались! – довольно проворчал Корф и повернулся к молчащим в седлах кавалергардам. Скользнув взглядом по всадникам, барон незаметно со стороны дернул щекой: масти коней были разнобойные, положенной полку вороной не было вовсе. За шеренгой статных молодцов в черных кирасах и белых мундирах стоял ряд черных с серебром александрийцев. А красиво, черт возьми! Нет, жаль все же, что кони не в масть…

– Вахмистр?

От шеренги гусар отделился невысокий, крепкий унтер, ладно сидящий на вороной лошади. Барон вновь поморщился: и лошадь, и всадник были явно не гусарских статей; эдакому молодцу служить бы в драгунах. «Впрочем, – напомнил себе Корф, – не надо судить строго. Вечно я забываю, что тут правила иные. Эти люди хоть и стараются изо всех сил, но подбирать людей и лошадей по росту и статям позволить себе никак не могут. Да и зачем это, если вдуматься?»

– Вот что, голубчик, а подрежьте-ка вы серым гусарам хвосты! И нас заодно фланкируете…

Унтер кивнул, вскинув пальцы к козырьку, крутанул лошадь и вернулся к своим гусарам. Барон недоуменно нахмурился: сколько ни напоминай себе, а вбитое годами строевой службы не вытравить самовнушением…

«…Если же нижний чин едет верхом на зауздaнной лошади (то есть поводья в обеих руках), то для отдания чести правую руку не прикладывает к головному убору, а лишь поворачивает голову к начальнику и провожает его глазами…»

Конечно, на войне подобным придиркам не место, но мероприятие, на котором он сейчас находился, с чистой совестью можно назвать маневрами – а уж на маневрах-то сам бог велел требовать от нижних чинов строгого следования уставу… ну вот, опять! Какой, к свиньям, устав? Он остался в ста тридцати годах, в прошлом…

– Са-а-бли вон! Рысью-марш!

Эх, трубача нет! А без него – что за кавалерийская атака! Никакого шика. По правилам сейчас следовало трубить к галопу, а потом – «Марш-Марш!» и «Строй равняйсь!», – эскадрон, подняв палаши, пускает в карьер; усатые унтеры следят, чтобы кавалеристы на правом фланге не отпускали особенно поводов, ибо опытом доказано, что левый фланг не успеет скакать за правым, ежели оный пустит без всякой сноровки…

Серые увидели угрозу и начали поворачивать навстречу. Поздно: гусары не успели не то что разогнаться навстречу кавалергардам, а даже не смогли сплотить ровной линии; к тому же партизаны, воодушевленные помощью, сломали своего ежа и кинулись отбивать остановившихся гусар от строя, окружая их вопящей толпой, ощетиненной вилами и косами. «Французы», попавшие в середину таких группок, крутились на месте, ловко отмахивая саблями тянущиеся со всех сторон дреколья.

Однако две трети серых все же успели сбиться вместе и встретить атаку лицом к лицу. В последний момент они даже слегка разредили строй, и тяжелые кавалеристы картинно, работая на публику, гребенкой прошли сквозь гусар; залязгали клинки, и барон краем глаза увидел, как черно-серебряные александрийцы поскакали в обхват, прижимая серых к нестройной массе партизан – на вилы, на косы, на разгром…

Офицер серых ловко (барон даже удивился – откуда такая

сноровка у далеких потомков?) отбил два удара баронова палаша, потом отсалютовал Корфу саблей:

– Ну что, расходимся? Классно отыграли!

Барон согласно кивнул, принял коня в сторону:

– Назад, господа кавалергарды! Ры-ы-ысью!

* * *

– А барон-то… бог войны! – радостно крикнул Николка.

Я кивнул. Корф и правда был хорош, хотя и пришлось ему сменить роскошное латунно-полированное облачение на более соответствующие эпохе – черную крашеную кирасу и высокую кожаную каску со щетинным гребнем.

Впрочем, рассматривать кружащих в клубах пыли и упоенно звенящих клинками кавалеристов было некогда. Упереть тяжелое ружье прикладом в землю… потом, скусив патрон, всыпать порох в ствол и прибить бумажным пыжом. На языке – кислый привкус меди – от капсюля, который, чтобы не потерять, пока держишь в губах: не забыть надеть его на шпенек, иначе молоточек замка только всухую щелкнет, не воспламеняя порох в казеннике и не толкнув в плечо отдачей…

Оружие раздобыл нам все тот же барон – в Фанагорийских казармах, кроме винтовок Крнка и прочего оружейного хлама, нашлось несколько старых, времен еще Крымской войны, капсюльных ружей с латунными накладками. Возить-

ся с «постройкой» мундира мы не захотели – хотя, может, и зря; в швальне Троицко-Сергиевского резервного батальона сшили бы и не такое. Но вместо этого мы, под чутким руководством Порфирьича, денщика Корфа, посетили Сухаревку и подобрали там вполне антуражные армяки, кушаки, шаровары и прочее, необходимое уважающему себя «партизану» тряпье. Вон Ромка заткнул за пояс приобретенный там же, на Сухаревке, крестьянский топор – нарочно выискивал вот такой, понеказистее, с истертым бог знает за сколько лет топорищем и неровным, грубой деревенской ковки лезвием.

Ранцы партизанам тоже не полагались; ограничились грубыми холщовыми торбами через плечо, в которых навалом лежали накрученные Порфирьичем бумажные патроны. Старый солдат долго учил нас хитрой науке ружейных приемов: «скуси патрон», «сыпь порох», «прибей заряд»…

Сам старик стоял сейчас рядом с нами – Корф строго наказал денщику следить, чтобы нас, значит, не обидели, или там конями не потоптали – баталия все-таки… Ну, это он зря – толпа «партизан Герасима Курина» на проверку оказалась состоящей из мальчишек окрестных школ, собранных на фестиваль и одетых в одинаковые бутафорские колпаки и кафтаны. Надо было видеть, как «партизаны» с пылом кидаются на французских кавалеристов, в запале силятся ткнуть супостатов фанерными косами – и, картинно подпрыгнув, десятками валятся на землю после очередного пушечного выстрела! Порфирьич унтерским рыком построил свое невели-

кое войско – и все мы, четверо, споро заряжая ружья, били в сторону шеренг красно-синей пехоты слитными залпами…

– А все же я не понимаю, Макар, зачем тебе понадобилось тащить наших гостей на фестиваль? Вот уж нашел чем удивить – игрища в старинные сражения!

Ну, я понимаю, когда Роман барона привез тогда в Коломенское… а теперь-то зачем? Неудобно даже. Нам что, показать им больше нечего?

Каретников поглядел на Олега Ивановича и вздохнул.

– Все-то ты по себе судишь, Олегыч. Нет, я понимаю, конечно, что иные реконструкторы слегка стыдятся своего увлечения – ну, то есть в своих кругах, конечно, все круто, есть чем гордиться, а на работе не рассказывают лишний раз, чтобы не услышать чего-нибудь снисходительно иронического типа «ряженые» или «не наигрались в детстве». Но мы-то с тобой, кажется, уже давно выше подобных комплексов? И потом – что значит «показать больше нечего»? Мы ведь, кажется, не экскурсии сюда устраиваем – нам с этими людьми предстоит большие дела делать. Так что уж отвыкай, будь любезен, от такого тона, пора бы…

– Опять ты все наизнанку вывернул! – возмутился собеседник. – А я, между тем, совсем иное имел в виду. Времени у нас не так уж и много, а вы с бароном тратите его на всякого рода пострелушки. По-твоему, это правильно?

– А я вот позволю себе с вами не согласиться, дражайший Олег Иванович! – встрял в разговор Евсеин. – Если вы

захотите услышать мое мнение, то посещение этого народного гуляния – просто гениальный ход. Возьмите меня: уж кому-кому, а мне грех жаловаться на привыкание к чужому времени, а вот поди ж ты – на этом празднике я наконец по-настоящему ощутил, что вы, потомки, в сущности, не так уж далеки от нас. История у нас общая, предки тоже. А что до привычек и окружения – разве это так уж и важно? Люди, в сущности, во все времена одинаковы. Да вот хоть замени сейчас вот это все… – и он широким жестом обвел ряды клеенчатых навесов, где торговали сувенирами, бутербродами и жарили шашлыки, – …на лоточников с Охотного да Суха-ревки. Думаете, кто-нибудь заметит подмену? Наоборот, решат, что власти постарались и сумели еще детальнее передать «дух прошлого»…

Олег Иванович хмыкнул. Спорить с Евсеиным было не с руки. С тех пор как к доценту окончательно вернулась память (спасибо Каретникову и его хитрым пилюлям), историк активно вживался в новые реалии и успел за месяц с небольшим стать среди них совершенно своим. Идею совместной, всей группой, поездки на Вохненский военно-исторический фестиваль он воспринял с восторгом – впрочем, как и Корф, и Яша с Николкой, – и с головой ушел в подготовку к этому мероприятию.

Казалось бы – чего уж проще? Походы через портал вся компания освоила уже прилично; Николке и Семеновым пришлось основательно перетрясти закрома, и теперь у каж-

дого из членов их небольшой группы имелась своя бусинка от древних четок. Она во всякое время открывала портал, соединяющий девятнадцатый век с двадцать первым, так что, дабы не примелькаться на улице Казакова (носившей в прошлом название Гороховской), пришлось выработать даже особую процедуру перехода. В девятнадцатый век проникали так: в портал входили со стороны дворика в двадцать первом веке, с тем чтобы оказаться в прошлом на тротуаре. Во дворе дома Овчинниковых было слишком уж много внимательных глаз; и если студенты, населяющие съемные комнаты, были заняты лишь самими собой, то бдительный дворник Фомич нипочем не упустил бы визитеров из виду. Благо в последнее время он насмотрелся на странных гостей.

Путешественники уже привыкли к тому, что посторонние не видят момента появления из «иновремени». Даже если специально прикладывать усилия, всегда возникала какая-то помеха вроде некстати зачесавшегося глаза – сторонний наблюдатель ни разу еще не сумел обнаружить открывающегося в стене дома портала.

Двор дома на улице Казакова, – типичный офисный особнячок, куда кто только не заходит по своим надобностям, – хоть и был оснащен положенными по статусу видеокамерами, но все же, оставался местом тихим, и на случайный народ там внимания не обращали. Олег Иванович с Каретниковым уже подумывали о том, чтобы снять в этом доме офис; тогда портал во времени можно будет вообще надежно скрыть от

посторонних глаз. Так что было раз и навсегда договорено, что, перебираясь из прошлого в будущее, следует входить в портал со стороны улицы и появляться во дворике дома; совершая обратное путешествие, наоборот, надо было войти в тоннель со двора и оказаться в прошлом на булыжнике Гороховской улицы.

Но на этот раз процедура перехода оказалась куда более хлопотной. Корф, узнав о фестивале, развил бурную деятельность. Каретникову и Семенову в какой-то момент оставалось лишь соглашаться да измысливать способы, как реализовать ту или иную затею. Для начала барон вознамерился привезти на празднество своего коня – невместно ему, природному кавалеристу и ротмистру лейб-гвардии, выступать на прокатской кляче. Гости из будущего зачесали в затылках; был разработан сложный план, согласно которому Николка с Ваней, мотаясь туда-сюда через портал, должны были выбрать подходящий момент, когда ни во дворе, ни на улице не будет слишком уж много народу, – и после этого быстренько провести коня через тоннель. Имелось, правда опасение, что норовистая животина откажется лезть в загадочную дыру в стене, но хоть здесь все обошлось.

Потом выяснилось, что для ухода за буцефалом необходим денщик, Порфирьич – никому другому Корф не собирался доверять своего скакуна. Каретников и Семенов было принялись протестовать – как, посвящать в тайну портала еще одного человека, да еще и совершенно не готового, в си-

лу общего уровня знаний, к подобным реалиям?

Однако барон сумел настоять на своем – и оказался, как ни странно, прав. Выяснилось, что Порфирьичу, в общем, все равно где находиться; он с тем же успехом мог бы выполнять распоряжения барона и в песках пустыни Атакама, и на Луне – если там найдется чем дышать.

Предвидя, что на той стороне конь может перепугаться первого же автомобиля (хотя по вечернему времени машин на улице Казакова мало), Корф накинул на голову животного плащ. Переведя его в таком виде через межвременной тоннель, барон завел коня в ближайший дворик, где уже ждал пикап с будкой-коневозкой на прицепе. А уж оттуда и доктор, и барон и его верный скакун отправились по Садовому кольцу, к Ярославскому шоссе, и дальше – в сторону Павловского Посада. Порфирьича, от греха, барон посадил рядом с собой, в машину к Каретникову. Денщик поначалу дико озирался по сторонам, крупно дрожал, но после того как барон вручил ему флягу с водкой и в приказном порядке потребовал уполовинить ее содержимое, успокоился. И потом уже всю дорогу он с интересом поглядывал в окошко Каретниковской тачки, с вожделением косясь на заветную фляжечку.

Каретников подозревал, что Корф просто обрадовался случаю «легально» познакомить Порфирьича с тайной путешествий во времени; они уже успели не раз убедиться, что барон доверял денщику во всем и испытывал дискомфорт, будучи вынужденным подолгу обходиться без его услуг. К

тому же Порфирьич и правда оказался крайне полезен. Попав в лагерь военно-исторического фестиваля, старый солдат освоился неожиданно быстро. Барон поручил его заботам Николки с Ваней, и Порфирьич, оказавшийся в роли эдакого дядьки при генеральских сынках, ходил всюду за мальчиками, помогал осваивать хитрую науку владения капсюльными дульнозарядными ружьями и подгонял, чтобы ладно сидели, приобретенные на толкучке армяки и поддевки. Мальчишки в благодарность водили старика с собой по лагерям реконструкторов; Порфирьич присаживался у костра, слушал разговоры, степенно отвечал, когда спрашивали, и недовольно косился на тех гостей фестиваля, что проигрывали жаркие схватки с зеленым змием, – а таких здесь было великое множество…

В лагере красноярцев, клуба, реконструирующего французскую артиллерию, случился забавный инцидент, когда двое реконструкторов в изрядном подпитии чуть не повалились в костер, – и ветеран не выдержал. Он, как кутят, оттащил их подальше от огня, заставил стоять «смирно» и долго матерно внушал, что солдат, который не умеет по-божески, в меру напиться и принимается колобродить на биваке, – свинья, а не солдат, и такому хороший унтер должен непременно бить в рыло. Собравшиеся вокруг реконструкторы разных видов оружия с восторгом внимали проповеди; отдельные слушатели пытались воспроизводить особенно сочные и колоритные обороты Порфирьича. Испугавшиеся было Ванька

с Николкой успокоились, и с того вечера все трое стали желанными гостями на всех биваках.

* * *

– А скажите, дражайший Вильгельм Евграфович, – спросил Семенов, – как все же получилось, что вы связались с этим прощелыгой Стрейкером? Мы, признаться, голову себе сломали – все гадали, как могло так получиться?

Евсеин пожал плечами, снял пенсне и принялся безо всякой необходимости протирать круглые стекла.

– Кхм… видите ли, батенька… – доцент смутился. – А что бы вы сделали на моем месте? Когда я обратился в Императорское Географическое общество с просьбой о выделении средств на экспедицию, со мной даже говорить не стали. Сами, небось, знаете – у этих господ все внимание сейчас к Туркестану, Памиру да прочим странам на пути в Индию и Китай. Сирия им неинтересна.

Олег Иванович кивнул. Он, разумеется, помнил о той огромной роли, которую сыграли и сыграют еще экспедиции Пржевальского, Семенова Тянь-Шанского и их коллег. Работа военных географов, бывших, по сути, передовым отрядом Империи в разгорающейся схватке с другой Империей, британской, не выпячивалась на первый план; многие ученые знать не знали об истинных корнях интереса Географического общества к среднеазиатским регионам. Евсеина

можно понять – на экспедицию в Малую Азию, на Ближний Восток, исконную вотчину Турции, где только-только стало намечаться соперничество британского льва с крепнущим хищником, Германией, никто средств не выделит.

– А в Палестинском обществе не пробовали? – поинтересовался Каретников. – Сирия – их вотчина, могли бы и помочь…

Евсеин смешно замахал руками:

– И-и-и, что вы, бог с вами, батенька! Эти поначалу меня вообще на порог не пустили. Я ведь, когда отчаялся найти поддержку по академической линии, совсем духом упал. Вот и решил обратиться в Палестинское общество – а вдруг? А они, оказывается, заранее сделали запрос в Священный синод по поводу моей персоны. А у меня, признаться, еще со студенческих лет… кхм…

– Нелады с университетским начальством? – усмехнулся Семенов. – Знакомо-с…

– Да, знаете ли…. – закивал доцент. – В бытность на первом курсе приключилась глупейшая история. Я уж потом жалел – да поздно-с…

– А в чем дело? – полюбопытствовал Семенов.

– Да вот отказался целовать руку отцу Варсонофию, коий был назначен преподавать логику. Не мог стерпеть, что лицу духовному было поручено преподавать науку разума. И прошу на милость: предан университетскому суду, оправдан – однако клеймо на всю жизнь. Я ведь тогда Петербург-

ский Императорский заканчивал, тоже по кафедре античных древностей. Хотел остаться там, но не вышло. Для служащих по казенной части требуется подтверждение благонадежности. Вот и пришлось перебираться в Казанский университет, а уж потом – в белокаменную. В общем, в Палестинском обществе у меня не сладилось.

– И тут появился Стрейкер. – понимающе кивнул Каретников.

– Да, голубчик. Выскочил, как чёртик из табакерки, негодяй эдакий, – подтвердил Вильгельм Евграфович. – Я уже потом заподозрил, что обязан его появлением именно господам из Палестинского общества: оказалось, что у сего бельгийского подданного немалые связи в этой организации. Во всяком случае, при подготовке экспедиции в Сирию именно он устроил мне протекцию по линии общества, да так быстро… Мне бы удивиться, заподозрить неладное, но нет – горел энтузиазмом, все ждал, что вот-вот и мечты сделаются явью.

– А что, версия… – задумчиво сказал Олег Иванович. – В конце концов, если вы напали на записи этого веронца – помнишь, Макар, я рассказывал, его еще казнили в Египте, – так что мешало и бельгийцу сделать то же самое? Нашел следы в какой-нибудь европейской частной коллекции или музее – и принялся искать варианты.

– Непонятно, – покачал головой Каретников. – Слишком уж сложно. Ну ладно, предположим, нашел – но зачем под-

бирать исполнителя в России? Будто в Европе мало археологов!

– Э-э-э, нет, не скажи! – хмыкнул Семенов. – Во-первых, европейские египтологи и знатоки Ближнего Востока все на виду. И если кому-нибудь из них поступило такое предложение – об этом тотчас стало бы известно в Англии или, как минимум, в Берлине. Там мощнейшая археологическая школа; в Берлинском королевском музее сам Эрман, а почти все современные египтологи – его ученики или поклонники. Или оппоненты, что в данном случае одно и то же. Другое дело Россия: наши, конечно, в Берлин и пишут, и ездят, – но все равно уровень связей не тот. И к тому же манускрипт спрятан в православном монастыре святой Феклы, и еще очень большой вопрос – допустят ли к нему ученого из неправославной страны. Так что и тут с русским иметь дело куда выгоднее. Верно, Вильгельм Евграфович?

Евсеин кивнул.

– Да, вы правы. Представьте, монахини рассказывали мне о том итальянце, с которого и началась вся история. Так вот, после него к документу никого не допускали, я был первым. А ведь не факт, что с такой просьбой к ним никто не обращался!

– Да, пожалуй… – неопределенно протянул Олег Иванович. – Мне это тоже показалось несколько странным… Но ведь на письмо веронца вы натолкнулись случайно?

– Совершенно случайно, уверяю вас! Можно сказать, ес-

ли бы не одна назойливая муха – я бы вовсе ничего не знал. Видите ли, работал я в монастырском книгохранилище одного монастыря в Тоскане…

* * *

– Муха, значит? Как же так может быть?

– А очень даже просто, – снисходительно объяснил Николка, запихивая рюкзак в бортовой багажный отсек огромного автобуса. Низкий глубокий ящик был уже более чем наполовину забит: кроме рюкзаков там лежали длинные чехлы с фузеями, завернутый в мешковину барабан и даже два обшарпанных колеса от полевой двухфунтовки – бог знает, как ухитрились их туда запихнуть!

– Вильгельм Евграфович работал в библиотеке… тьфу, книгохранилище этого монастыря. Он писал какое-то исследование – кажется, по крестовым походам, не помню точно…

– Так книгохранилище или библиотека? Разные ведь вещи… – придрался я. Мы с Яшей только-только закончили запихивать нашу поклажу и теперь сидели рядом с автобусом на пирамиде рюкзаков – отдыхали.

– В библиотеку можно прийти, взять книгу, а потом отдать, – невпопад ответил Николка. – Ну, или прямо там полистать, в читальном зале. А в книгохранилище посетителей почти не пускают. Вот Вильгельм Евграфович два года

письма от университета писал; и пустили его в монастырское книгохранилище, только когда через самого Папу Римского разрешение дали.

– Да, католики – они такие, – подтвердил я. – Жадные. И хрен чем русским людям помогут…

– Ну ладно, не о том речь, – поморщился Николка. Он ужасно гордился тем, что раньше своих товарищей узнал об истории с Евсеиным, и теперь горел желанием первым поведать все детали. А тут, понимаешь, перебивают на каждом слове! – Так вот. Вильгельму Евграфовичу принесли четыре книги. Две он стал читать, а две других оказались лишними – монах, заведовавший книгохранилищем, что-то там не понял и прихватил их, просто на всякий случай. А работают там очень забавно – стоя, за такой особой конторкой вроде аналоя. Она узкая; вот Вильгельм Евграфович и сложил лишние книги на край – чтобы отдать, когда монах снова придет. Так он и работал; но тут прилетела большая муха и стала летать вокруг, жужжа и мешая. Господин доцент стал махать руками, чтобы отогнать муху, – и случайно уронил отложенные книжки.

– Конечно, господин Евсеин испугался – книги-то древние, ценные, и если бы монах увидел такую неаккуратность – это могло бы стоить разрешения на работу в хранилище. Так что он быстренько поднял книги – и вдруг заметил, что из одной из них выпал какой-то листок. Поднял, прочел – он был написан на латыни, – и оказалось, что это письмо того

самого итальянца.

– Ну да, – только и оставалось мне поддакнуть… – Помню, как же. Ему еще в Александрии голову оттяпали. А он, бедняга, палачей все поносил и грозился, что за ними тоже скоро придут…

– Да не перебивай же ты! – взорвался наконец Николка. – Ну никак договорить не дают, что ж это такое, в самом деле!

– Да ладно, прости, прости, – мне и самому было интересно, что там с этим итальянцем, а фразы я вставлял все больше для порядку – чтобы собеседники не забывали о моей роли во всей этой истории. А зря, что ли, по Сириям ездили? – Давай, рассказывай дальше, мы слушаем…

– А дальше – в письме было написано, что итальянец этот – его, кстати, звали Джакопо Берталуччи, и родом он был из города Верона – отыскал в Сирии некий загадочный манускрипт, в котором описываются способы проникновения в грядущее. И что этот манускрипт охраняют темные и неграмотные православные монашки, которые знать не знают, какое сокровище им доверено. Веронец писал своему другу, что служил при дворе Лукреции, герцогини Феррарской. Та, когда стала герцогиней, была совсем юной девушкой и очень скоро умерла – то ли от чахотки, то ли ее отравили. А вот среди придворных ее были, оказывается, заговорщики; и тот, кому этот несчастный веронец послал письмо, как раз и относился к их числу. Видимо, автор письма надеялся, что его высокопоставленный друг сумеет похитить бесценный ману-

скрипт из монастыря в Маалюле и обратить его к пользе своего заговора. Но самое главное – вместе с письмом он передал старинные коптские четки, которые, по его словам, могли бы послужить ключом к «Вратам Хроноса» – так итальянец называл портал между временами.

– А где же он четки раздобыл? В Маалюле их вроде никогда не было; да и не отдали бы их ему монашки… – Вот удивительно! Оказывается, прежним хозяином наших бесценных четок был тот самый усеченный на голову макаронник? Ну, сюрприз…

– Неизвестно, – пожал плечами Николка. – В письме об этом не было ни единого слова. История темная – похоже, Джакопо явился в Маалюлю, уже зная, что искать, а значит, четки он раздобыл еще раньше. В любом случае письмо до адресата не дошло: как раз тогда Лукреция умерла, а того, кому предназначалось письмо, заподозрили в отравлении, и тому пришлось бежать. Письмо каким-то образом попало в книгу, которая потом досталась монастырю: видимо, кто-то из родственников беглеца его все же получил, но не придал документу особого значения.

– А четки? – жадно спросил Яша. В отличие от меня, он слушал Николку не отрываясь, впитывая каждое слово, и в первый раз позволил себе прервать докладчика.

– Четки остались в семье того придворного, как забавная безделушка. И, представьте себе, сохранились до наших дней! Вильгельм Евграфович, когда прочел письмо, сразу

понял, что монахи о нем тоже не знают, – ну и разыскал потомков того итальянца, которому писал Джакопо. Представьте, как он удивился, когда выяснилось, что четки сохранились с самого семнадцатого века! Ему стоило немалых трудов уговорить нынешних хозяев расстаться с ними; по счастью, оказалось, что последняя из потомков беглеца – крайне набожная дама, и четок этих ни разу в жизни в руки не брала, почитая их еретическим соблазном, оскверняющим католическую веру. Остается лишь радоваться, что она их вовсе не выбросила…

В общем, раздобыв четки, господин Евсеин вернулся в Москву и принялся готовиться к поездке в Маалюлю. А так как университетское начальство и Географическое общество отказали ему в средствах на экспедицию, пришлось связаться с Ван дер Стрейкером. Олег Иванович считает, что бельгиец раздобыл где-то то ли копию этого письма, то ли упоминание о нем, и потому и сумел разыскать доцента. Скорее всего, он посетил бывшую владелицу четок и узнал о русском, который их забрал. Вот так оно все и вышло…

– Да, занятно, – кивнул я. – Прямо художественное совпадение.

– Да погоди ты! – раздраженно цыкнул на меня Яша. – Продолжайте, пан Никол…

– Опять ты – «пан»! – с досадой сказал гимназист. – Сколько ж можно, пора бы уже привыкнуть!

– Да, прости, Никол, – поправился Яков. – А ты, Вань, не

мешай рассказывать…

– Да, собственно, уже почти все, – вздохнул Николка. – Вильгельм Евграфович взял деньги у Стрейкера, съездил в Сирию, нашел там манускрипт. Правда, монахини не позволили скопировать его – только разок показали. Вот господин Евсеин и запомнил лишь маленький кусочек – про то, как открывать порталы.

– Зато теперь мы весь текст добыли, – не удержался и похвастался я. – Самолично все переснял, пока отец Христовой невесте мозги пудрил. То-то Евсеин сейчас в перевод зарылся – за уши не оттащить! Даже удивляюсь – как он на фестиваль с нами поехать согласился… Все-все-все, больше не буду! – спешно добавил я поскорее, увидав, что и Николка, и Яша готовы чуть ли не накинуться на меня. – Рассказывай уже…

– Ну вот, – продолжил гимназист. – Приехал Вильгельм Евграфович в Москву – и, конечно, сразу попробовал открыть портал. Только с первого раза не совсем получилось – портал-то открылся, только не там где он хотел, а под землей. Ну, потом он, конечно, разобрался, что к чему, и смог открыть нормальный портал – на Гороховской. Кстати, попытки с десятой, не меньше – для того чтобы все получилось, нужно было найти такую стену, которая сохранилась бы и в будущем, – а у вас здесь столько домов снесли! Вот он и ходил по всей Москве и пробовал, пока не нашел дом на Гороховской. А как получилось – сразу пошел к моему дяде,

Василию Петровичу, и снял квартиру в доме – чтобы быть поближе к порталу…

– Ясно, – вздохнул Яков. – Ну а дальше – Стрейкер потребовал четки и все записи по открытию себе, а господин доцент отказался.

– Ну да, – подтвердил Николка. – Он Стрейкеру с самого начала не верил. И хоть разок-другой сводил его в прошлое, но отдавать эту тайну бельгийскому авантюристу Вильгельм Евграфович не собирался. Вот Стрейкер его и похитил…

– Остается радоваться, что он так удачно ему по башке заехал, – усмехнулся я. – Не потеряй господин доцент память – все бы уже давно досталось этому бельгийскому проходимцу. И фиг бы мы с вами что-нибудь получили…

– Да, верно, – кивнул Яков. – Здесь нам, можно сказать, повезло.

Со стороны поляны раздался гудок. Мы вскочили – к автобусу подруливал Каретников.

– Ну что, готовы? – доктор высунулся из окна тачки. – Грузитесь, давайте, отправляемся. На въезде в Москву пробки, а нам вас еще на Гороховскую везти…

Глава 2

Геннадий, Виктор шли вслед за Володей Лопаткиным по длинному университетскому коридору. Им не раз приходилось бывать здесь в двадцать первом веке – Большая аудитория, церковь святой Татьяны, знаменитая читалка в ротонде… Удивляли старинные вывески на дверях первого этажа: «Экзекутор», «Регистратор», «Квартирмейстер». По-видимому, они оставались чуть ли не с самого основания университета.

Когда-то оба они оказались здесь сопливыми студентами-первокурсниками; можно было не сомневаться, что и на «нынешних», девятнадцатого века, новичков все это производит такое же неизгладимое впечатление. За 130 лет большинство помещений не раз и не два подвергалось переделкам; вот и сейчас они шли по коридорам, заставленным всякими шкафами, стены завешаны объявлениями, расписаниями лекций. Повсюду, даже во время лекций – густая толпа студентов; ужасный шум. Привыкшие к куда более строгим порядкам Геннадий с Виктором недоуменно озирались. Володя уловил их удивление:

– Это еще что! Вот, помню, когда я первый раз здесь оказался, так и вовсе опомниться не мог. Сами подумайте: после гимназии, с ее-то строгой дисциплиной – вот эдакая вольница! На лекцию хочешь – иди, не хочешь – не ходи. Захотел –

пошел слушать лекцию другого факультета или другого курса. Никто за порядком не наблюдает, никто ничего не требует. Я все не мог понять, почему мне, который только вчера был загнан в рамки гимназических порядков, вдруг предоставили такую свободу!

– А с экзаменами как? – поинтересовался Виктор. – Много «хвостов» надо, чтобы отчислили?

– Отчислить могут за невнесение платы за обучение, – пояснил Лопаткин. – За нарушение университетского устава – например, за участие в каких-то противоправительственных действиях. За буйство сверх меры опять же. А так… многие к учебе очень небрежно относятся. Если не успеваешь за курсом – прямая дорога в «вечные студенты».

– Вечные студенты… академический отпуск, по болезни? – уточнил Геннадий. – Чтобы потом пересдать?

– Нет, что вы! – махнул рукой Владимир. – Если, скажем, год-два проучился и не сдал установленного минимума – переходишь на другой факультет. Кое-кто так весь университет переберет. Вот, сами смотрите…

По коридору навстречу следовал весьма представительный господин с немаленькой бородкой, украшенной пробивающейся кое-где сединой; тем не менее, господин был облачен в студенческий сюртук.

– А чего бы не учиться, коли средства имеются? – усмехнулся Владимир. – А может, уроки дает, или кто из богатых родственников за него платит…

– А есть и другие, – продолжал пояснять гостям Лопаткин. – вот, скажем… понаблюдайте…

У входа в аудиторию расположилась кучка студентов. Один из них, с виду постарше собеседников, выделялся значками двух факультетов.

– «Век живи – век учись», – прокомментировал гид. – Есть «вечные студенты» и такого рода. Заканчивают, видите ли, по два-три факультета. А то и отвлекают человека какие-то жизненные перипетии – скажем, к искусству потянется, а то и политикой увлечется. Или пустится путешествовать. Как быть? Времени все это требует весьма много, а отрываться от университета не хочется. Иные и возвращаются к учебе, а других затягивает такая инертность жизни…

Около следующей аудитории отиралась горстка первокурсников – видно было, что им, только-только вступившим под сени храма науки, здешние порядки еще в новинку. Один из студентов то и дело принимался листать тетрадь – видимо, с расписанием занятий.

К студентам подошел вальяжный университетский сторож.

– Кто должен читать, господа?

– По расписанию – профессор Николай Васильевич Бывалов, – с готовностью отозвался студентик.

Сторож покровительственно усмехнулся:

– Так он раньше декабря лекций не начинает. Так что идите себе, господа…

И важно проследовал по коридору. Ошарашенные первокурсники глядели ему вслед.

– Ну и порядочки у вас! – вырвалось у Виктора. – Ни фига себе – предмет в расписании, а он – «не раньше декабря»! Заменить, что ли, не могли?

– Это еще что, – вздохнул Володя. – Осенью многие преподаватели начинают лекции с изрядным запозданием. Да и на занятия приходят кто на четверть часа позже, а то и того поболе. Обычное дело…

Первокурсники оторвались наконец от созерцания удаляющегося сторожа и вновь зашуршали тетрадями. Владимир и его гости остановились поодаль – наблюдали.

– Лекцию читает экстраординарный профессор… Что такое – экстраординарный? – спросил первокурсник товарищей по несчастью.

Те недоуменно пожимали плечами.

Лопаткин ухмыльнулся и пришел наконец на помощь несчастным:

– Вы что, господа, ни одного профессора до сих пор в глаза не видели?

Те смущенно замотали головами, с надеждой глядя на многоопытного избавителя.

– Экстраординарный, – снизошел до объяснений Владимир, – это значит «внештатный». То есть сей ученый муж, не являясь сотрудником университета, просвещает наши темные умы по некоему разделу наук.

Лопаткин говорил с первокурсниками снисходительновысокомерно, чем еще больше усиливал их робость.

Пока Владимир преподавал азы студенческого жития первокурсникам, Геннадий с Виктором с любопытством озирались по сторонам. В здешних коридорах жизнь, похоже, всегда кипела. Толпа студентов была самой разношерстной – от щеголей побогаче, которые приезжали на Моховую в собственных экипажах (входя в здание университета, гости видели и таких), и до явных бедняков, живших впроголодь. Основная же масса на взгляд состояла из молодых людей весьма скромной наружности. Владимир успел уже рассказать, что большая часть таких студентов подрабатывает репетиторством, считая своим долгом хотя бы частично содержать себя, а не садиться на шею родителям.

Большинство студентов ходили здесь в форменных тужурках; сюртуки носили далеко не все. Тужурки эти – черного цвета с синим кантом и петлицами, золотыми орлеными пуговицам. Шинели, фуражки оставляли внизу, в гардеробе, под присмотром престарелого служителя в форменной университетской ливрее с золоченым кантом.

Форма, как говорил Владимир, хоть и была обязательна, однако университетское начальство смотрело на нарушения сквозь пальцы. Большинство студентов однако же предпочитали ходить именно в форме: во-первых, сразу видно, что студент, а это уже обеспечивало известное положение в обществе; во-вторых, так было дешевле. Носили поношенную

студенческую форму: ходить в старом штатском платье считалось неприлично. Был еще какой-то парадный университетский мундир с золотым шитьем, треуголкой и шпагой, но за время своего визита на Моховую гости из будущего ни разу не видели ничего подобного. Кое-кто из студентов побогаче носил, правда, шпагу и сюртук с белой подкладкой – «белоподкладочники», называл таких их гид. Это были, видимо, молодые люди из зажиточных семей. Владимир, описывая университетский быт, говорил, что такие держатся обособленно, давая всяким способом понять, что они находятся в университете ради учебы и вовсе равнодушны к посторонним темам вроде политики. Тон, которым молодой человек говорил об этих «академистах» не оставлял сомнений – сам от относится к ним с крайним осуждением, полагая реакционерами и своего рода «приспешниками» университетских властей.

В противоположность щеголям, «академистам» и прочим франтам, которые внимательно следили за костюмом и прической, были и другие – нарочито небрежно одетые, отпускавшие волосы до плеч, носившие нечесаные кудлатые бороды и усы. Многие носили еще и большие очки с синими стеклами – этот особый вид должен был показать окружающим, что для владельца очков имеет значение одна наука, и он вот-вот осчастливит человечество каким-нибудь великим открытием. Беседы такие вели только о науке и учебе, все время делая таинственные мины, будто чего-то недоговари-

вали. Об этих Владимир говорил с иронией, но без раздражения – по всему было видно, что давно выбрал для себя занятие политикой как основное наполнение жизни.

Вот такие группки, различающиеся между собой и платьем, и манерами, да и темами бесед, кучковались у аудиторий. До прихода профессора студенты толпились около дверей. Вели разговоры; дождавшись профессора, заходили.

Виктор заглянул внутрь вслед за ними: студенты чинно рассаживались по скамьям с узкими пюпитрами. Усмехнулся – точно такие же скамьи темного дерева он помнил по старым аудиториям Московского энергетического института.

Как там, в фокусе полукруглой, крутым амфитеатром аудитории, стояла профессорская кафедра. На ней сейчас устраивался солидный, почтенного возраста господин обычно в штатском сюртуке.

Виктора подергали за рукав: Владимир, оставив в покое первокурсников, вспомнил о гостях:

– Однако же пойдемте, господа. У Яниса как раз закончилась лекция, попробуем перехватить его. Он в столовой сейчас, наверное…

Университетская столовая, где обыкновенно обедало множество студентов, помещалась на первом этаже, в правом крыле здания. Обстановка здесь была самая что ни на есть скромная, даже «простонародная»: длинные столы, укрытые клеенкой. На столах стояли большие корзины с черным и серым хлебом, которого можно было брать вволю,

безо всяких ограничений. В столовой принято было самообслуживание; что до цен, то были они, по московским меркам, самыми необременительными: обед без мяса пять копеек, с мясом – девять. Стакан чаю – копейка, бутылка пива – семь копеек. При желании можно, конечно, было взять обед и подороже; в буфете, также весьма дешевом, продавали кисели, простоквашу. Столовая постоянно переполнена; шум и гам, мельтешение: одни приходят, другие уходят, а кое-где за столами сидят крепко обосновавшиеся группки студентов. Судя по тому, как основательно они уселись, подобные ценители дешевого пива из местного буфета подчас проводили в столовке куда больше времени, чем на лекциях, в аудиториях.

Студенты победнее – что всегда было видно по поношенным, потертым тужуркам – брали только чай с хлебом. Внимания это не привлекало: наоборот, к таким, вынужденно себя ограничивавшим, относились с сочувствием. Иной раз незнакомый студень мог сказать бедствовавшему товарищу: «Коллега, я вам куплю обед, у меня на двоих денег хватит». Да и местное начальство порой предлагало таким страдальцам бесплатную тарелку щей без мяса…

Нужный им человек сидел за отдельным столиком у дальней стены, в компании еще троих таких же студентов. На столе, среди тарелок и пивных бутылок, громоздились стопки книг и клеенчатых тетрадок, перетянутых ремешком; так многие студенты предпочитали носить учебное имущество, демонстративно пренебрегая чиновничьими портфе-

лями. Владимир поздоровался; тот, что сидел в центре, тощий молодой человек с изможденным лицом и впалыми щеками, кивнул, указывая новоприбывшим на соседнюю лавку.

За столом всем было не поместиться; впрочем, нравы в университетской столовке были простыми. Вмиг подтащили еще один такой же столик и дополнительную скамью, и гости уселись за стол. Один из кампании побежал в буфет, за пивом и нехитрой снедью в закуску, а Володя тем временем представил гостей и сидевших за столом.

– Янис Радзиевич, студент медицинского факультета Киевского университета. Слушает у нас курс.

Изможденный молодой человек кивнул.

– Войтюк, Геннадий Анатольевич, из Ковно. Прибыл с намерением поступить в университет. Виктор Анциферов, его земляк…

– Анциферов? – веселым тоном осведомился непредставленный молодой человек. – Батюшка мой, царствие ему небесное, упоминал как-то про Петра Аркадьевича Анциферова, своего товарища по нижегородскому кирасирскому. Вы, часом, не его сынок будете?

Виктор поперхнулся пивом и беспомощно воззрился на Геннадия.

– Вряд ли, – усмехнулся тот. – Насколько я знаю, отец моего друга никогда не был на военной службе. Верно, Виктор?

– К… да… – молодой человек кашлем попытался скрыть некоторое смятение. Мой батюшка служит по управлению

статистики при Ковенской городской управе.

Легенды были оговорены заранее; документы Виктор и правда изготовил без особого труда. Самым трудным, как он и предупреждал, оказалось найти подходящую бумагу, а вот нанесение соответствующих водяных знаков, напротив, не доставило ни малейших хлопот: в первой же фирме, занимавшейся корпоративным стилем, им сделали бланки царский паспортов со всеми нужными аксессуарами. Обошлось это удовольствие недешево, и для того чтобы профинансировать эту операцию, пришлось навестить несколько известных в будущем антикварных салонов – благо никакого стеснения в царских деньгах группа больше не испытывала. В итоге для каждого из членов Бригады Прямого Действия было заготовлено по три комплекта документов: один на собственные имя-фамилию, а остальные пока не содержали ни единой записи; разработкой легенд под них предстояло еще заняться.

– Из Ковно, значит? – почему-то усмехнулся Янис. – А что за заведение изволили закончить и какой факультет нашей альма матер намерены вы осчастливить своим присутствием?

Это было обговорено заранее, так что Геннадий ответил немедленно:

– Закончил я Ковенское губернское реальное училище. Мой батюшка служит при управлении железных дорог, тоннельным инженером – вот хочет, чтобы я пошел по его сто-

пам. Однако же, – усмехнулся он, – я, видимо, оказался плохим сыном и намерен был подавать на факультет физических и математических наук. Впрочем, обстоятельства помешали; теперь намерен дождаться следующего года и заново подать прошение.

– А отчего все же не в техническое? – поинтересовался Янис. – Составили бы компанию вашему другу Володе, – и он кивнул на Лопаткина. – Реалисту – оно и попроще..

– Имею склонность к фундаментальным дисциплинам, – усмехнулся Геннадий. – К тому же мечтаю продолжить образование в Германии.

Они побеседовали еще какое-то время. Виктор больше отмалчивался, прихлебывая пиво (довольно-таки скверное). Геннадий и Янис перебрасывались малозначащими фразами. Лопаткин поначалу участвовал в беседе, но потом, подобно Виктору, переключился на употребление пенного напитка и совершенно выпал из разговора.

Наконец Янис встал.

– Ну что ж, друзья, пора и честь знать. Простите, у нас с коллегами еще имеются некоторые дела. Может быть, продолжим знакомство в более приватной обстановке?

– Так можно у меня, в «Аду»… – засуетился Лопаткин. – Вот как освободитесь – прошу в гости. Не забыли, куда?

– Нет уж, благодарю покорно, – усмехнулся Радзиевич. – У вас там слишком много… тараканов.

Паузу он сделал столь многозначительную и так явно об-

вел собеседников глазами, что было видно – он не сомневается, что те прекрасно уловят скрытый смысл сказанного.

– Вот, кстати, наш Коля, – и Янис указал на своего товарища, того, что давеча спрашивал о фамилии Виктора. – Завтра, в семь пополудни, устраивает вечер с чаем; приходите, будем ждать. Чай бесплатно, баранки приносите с собой; вход десять копеек, благотворительный сбор – в пользу неимущих студентов. Танцы ожидаются, барышни с философских курсов. Будете?

Геннадий кивнул.

– Непременно воспользуемся, спасибо за приглашение. А куда?..

– Володя знает, – Янис не дал молодому человеку ответить. – А сейчас – простите, вынужден откланяться…

И, уже направляясь к выходу, неожиданно повернулся к Геннадию:

– И примите совет… коллега. Подберите себе другой родной город. Ваша манера речи, конечно, не вполне привычна для Белокаменной, но поверьте, здешние жандармы, при всей их тупости, прекрасно умеют отличить польский акцент…

* * *

«Ты совсем изменился, Яша, – сказал недавно дядя Ройзман. – И я таки не знаю теперь, мой ты племянник или со-

всем уже второй человек. Одно могу сказать – когда будешь подсчитывать гешефты, постарайся не забыть, что ты все же еврей. Потому что те, кто вокруг тебя, это точно не забудут».

Наверное, старик был прав – со своей колокольни. Яша и сам понимал, что изменился и больше никогда не станет прежним. Как там говорил их сосед в далеком теперь уже винницком местечке? «Еврей, севший на лошадь, – это уже не еврей». А он, Яша, пожалуй, что и оседлал своего скакуна. И какого – до него, кажется, было далеко и бароновой караковой кобылы, перед которой замирали в восхищении потомки на их забавном историческом празднике. Яша чувствовал, что надежно устроился на спине Удачи, и теперь несется во весь опор туда, куда вынесет его этот капризный скакун.

И все же старик Ройзман тысячу раз прав. Как втолковывал меламед в хейдере, куда Яша успел походить целые полгода: «Кто говорит «алеф», должен сказать и «бейс». Иначе говоря – если первые шаги на ниве сыска оказались столь успешны, и мало того, привели Яшу в общество таких серьезных людей, – придется теперь задуматься о том, как его и дальше будут принимать в таком обществе. Яша ни разу не поинтересовался у друзей из будущего, каково в их мире отношение к евреям. Да и зачем? Как бы ни были полезны все эти порталы-морталы, жить-то ему предстоит здесь! И какие бы штучки, изобретенные в двадцать первом веке, ни удалось раздобыть – применять их придется тоже здесь. А

значит…

А значит, перед ним опять встает проклятый вопрос: кому в Москве, да, пожалуй, и во всей России, нужен сыщик-еврей, пусть даже не обделённый талантом? Нет, конечно, если он и дальше хочет искать неисправного должника Берценмахера или следить за мошенником, торгующим поддельными голландскими кружевами, по заказу Ицека Блюмштейна, который держит на Кузнецком модную «Венскую» лавку, – тогда все хорошо. А вот если он хочет иметь дело с такими людьми, как Корф, Никонов, да в конце концов тот же злодей ван Стрейкер…

В паспортах жителей Российской империи недаром не имелось графы «национальность». Это не интересовало власти. В конце концов, какая разница, кто ты – остзейский немец, удмурт, мордвин или архангелогородец? Империи важно одно – верность. А чем она подтверждена – во всяком случае до того, как тебе доверят подтвердить ее делом, а порой и кровью?

Правильно. Присягой. И чиновники и воинские командиры Российской империи охотно верили присяге, принесенной на православной или лютеранской библии, на Коране, на католическом распятии. Доверия не было лишь иудеям – любой охотнорядский сиделец знал (и при случае с удовольствием повторил бы), что в «жидовских книгах» написано, что обманывать иноверца – не грех вовсе, а наоборот, заслуга. И что любое предательство или гнусность, совершенные

по отношению к не-иудею, не ляжет грехом на душу истинно верующего.

Что с него взять? В Охотном ряду и не такого наслушаешься.

Тем не менее, чем больше голова Яши кружилась от радостных перспектив, тем чаще и чаще задавал он себе вопрос: «А готов ли ты?..»

Яков знал, что будет значить ответ «да». Он помнил, как их сосед в кровь, до полусмерти, избил своего сына Додика, давнего, с детских лет, приятеля Яши за то, что Додик срезал пейсы. Додик при смерти валялся в околотке, а его отец рвал на себе волосы и рыдал – от сожаления, что его сын не умер, что хоть как-то искупило бы срам, который он навлек на всю семью…

А ведь если сделать то, о чем думал он… нет, его, конечно, не изобьют в кровь. Отец давно покоится на еврейском кладбище близ Винницы, а более никто не посмеет поднять на Яшу руку. Но и путь назад будет отрезан. Насовсем. Не будет больше забавной, иногда невыносимо раздражающей, но все же такой теплой родни… не будет ворчания дяди Ройзмана. Он вообще больше не скажет о нем ни слова, как будто его и не было никогда на свете. И старый ребе Гершензон, который уговаривал когда-то отдать Яшу в хейдер, будет темнеть лицом при упоминании его имени и говорить «вейз мир…».

Яша помотал головой, отгоняя горькие мысли. Не сейчас… слава Создателю – хоть в этом сомнений быть не мо-

жет! – решать ему придется не сейчас. И, наверное, не завтра – пока что у него слишком много дел…

Микрофон-затычка в ухе ожил. В комнате скрипнула дверь, раздались стуки, шорохи, и все скрыла волна треска. Яша, чертыхнувшись про себя, принялся жать кнопки тонкой подстройки. Наконец помехи ушли, и голос звучал теперь так же чисто, как если бы он сам находился в комнате, рядом с беседующими.

– Слышь, Ген, а что этот Янис… Янек… ладно, какая разница? Что он домотался до тебя с акцентом? Мало ли в этом гребаном Ковно русских? Не все же там поляки, в конце концов…

– Я так полагаю, он нас раскусил. И таким изящным способом дал понять, что не верит нашей легенде ни на грош.

– И что теперь? Держимся от него подальше?

– Ни боже мой. Он же приглашения своего не отменял, верно? Значит – намекает, что понял, что мы – не те, за кого себя выдаем, но готов отнестись к этому с пониманием.

– То есть – он и сам такой? Это ты имеешь в виду?

– Точно. Этот Янис – коробочка с двойным дном…

Звук вновь ушел, и на этот раз звучал уже глухо, как бы Яша ни колдовал с подстройкой. Видимо, кто-то из вошедших накрыл микрофон. Яша пристроил его на ножке кровати, изнутри – а кто-то уселся на постель рядом с устройством и мешает теперь крохотной штучке нормально улавливать звук…

Яша вслушался – удавалось различать лишь отдельные слова. Это было обидно, и даже очень: для того чтобы получить возможность поставить прослушку в комнате студента Лопаткина, ему пришлось вытерпеть нуднейший урок латыни – и еще придется. Чтобы без помех, своим, проникнуть в «Ад», Яша договорился о частных уроках со студентом, проживающим этажом выше Володи Лопаткина; теперь придётся исправно посещать занятия, выкраивая возможность по дороге туда или обратно как бы невзначай завернуть не на тот этаж, найти нужную дверь…

Студент, взявшийся подтягивать Яшу по латыни, оказался словоохотливым; от него молодой человек узнал, что студент Лопаткин (пользующийся даже здесь, в «Аду», устойчивой репутацией больного на голову и смутьяна) потратил немалые деньги – лишь бы снять именно ту комнату. Ту самуь, где несколько лет назад собирались студенты-нечаевцы, а еще раньше – каракозовцы, члены кружка «Ад». По мнению Яши, это было несусветной глупостью, но студент Лопаткин, видимо, полагал иначе. Конечно, что взять с кокаиниста! У Яши было теперь особое отношение к людям, предающимся этому пороку, – друзья из будущего рассказали ему об истинной цене кокаинового дурмана. Так что от Лопаткина особо разумных действий ждать, пожалуй, не приходится.

Но Геннадий? Неужели он, человек другого времени, не понимает, что «Ад», как и соседствующие с ним «Чебы-

ши», давным-давно профильтрован агентами жандармского управления? И являться сюда, лелея какие-то противоправные замыслы, – это все равно что встать под самый яркий фонарь и кричать: «Вот он я, ловите!» А теперь еще и эта «благотворительная вечеринка»! Да Яша готов был выпить пузырек чернил, если на ней не окажется хотя бы одного шпика! И тем не менее, гости из будущего наперебой обсуждали предстоящий визит. Да уж, умники… на таких людях земля держится. Когда они в нее зарыты.

А может, они не задумали ничего дурного? И интерес Геннадия к житию московских студентов и правда носит (как уверял когда-то Яшу Николка) чисто научный характер? Ну, скажем, пишет Геннадий какую-то книгу, посвященную московскому студенчеству… так и чего же в этом такого? Тогда, наоборот, понятно, почему он ходит в подобные места.

Нет, это слишком уж хорошо, чтобы оказаться правдой. Яша ни на секунду не верил Геннадию – особенно после того, как тот попытался обмануть Ольгу и выманил у нее бусинку, открывающую проход в прошлое. Раз так – значит, и цели у него (ну и, понятное дело, у его сообщников) могут быть лишь самые злодейские. И ему, Яше, еще предстоит в этом разбираться. «Вырванные годы», как любила повторять покойная житомирская тетя Циля…

Да, ведь еще надо не забыть зайти к Гиляровскому – пока репортер еще не забыл о нем! Такая удача выпадает нечасто; Яков не собирался упускать шанса поближе сойтись с одним

из самых известных московских журналистов. Такие связи, знаете ли, дорогого стоят – особенно на том поприще, которое он для себя выбрал.

А эти шлемазлы, значит, все-таки решили идти на ту вечеринку? Яша повеселел и принялся обдумывать, что он предпримет в связи с этим обстоятельством.

Глава 3

Пф-ф-хлоп! Бах!

На мешке с землей, почти в центре нарисованной углем мишени возникло ярко-синее пятно, окруженное мелкими брызгами.

Пф-ф-хлоп! Бах!

Второй шарик с краской задел угол мешка и разбрызгался красным веером – так в иных боевиках принято изображать последствие попадания пули в голову.

Пф-ф-хлоп! Бах!

И третья красная блямба украсила мешок – почти поверх второй.

– Что ж, весьма недурно, штабс-капитан, – заметил барон. – А скажите на милость, удар, наверное, получается достаточно болезненный?

Нессельроде усмехнулся.

– Ну мы же не с детишками в пятнашки играть собрались, барон, – ответил он. – Солдату хорошая плюха пойдет только на пользу. Заодно и запомнит, что лишний раз голову под пулю подставлять не следует.

– Но ведь можно, наверное, как-то защитить стрелков? – поинтересовался Фёфелов. Он с интересом вертел в руках «краскометное ружье». – Ну, скажем, нечто вроде фехтовального колета. Да и маска, как мне кажется, не помещает

– ваш красящий снаряд, попав в физиономию, может и глаз вышибить.

– Излишне, – отрезал штабс-капитан. – Этим мы только изнежим солдат. Вполне достаточно, как я указал в моем «Практическом руководстве по организации занятий с краскометами», дать команду нижним чинам стрелять только в нижнюю часть тела. И, разумеется, следует одевать солдат в особые балахоны из мешковины – дабы не замарать краской казенной формы. Мешковину же потом отмачивать, отстирывать и использовать по второму разу. Защитные очки я полагаю необходимыми только для надзирающих за занятиями офицеров.

– Все-то мы о казенном имуществе печемся, – отозвался барон. – Нет чтобы о людях… Да и какой болван, скажите на милость, во время боя будет думать о том, чтобы занизить прицел? Вы же сами говорили – диковина сия предназначена для обучения стрельбе при столкновении с противником на небольшой дистанции – например, во время боя в городе или захваченной крепости, так?

– Верно, – подтвердил Нессельроде. – Француз Гюстав Реклю как раз и разработал свое краскометное ружье по заказу капитана зуавов Дюруа. Тому предстояло обучать своих людей действовать против алжирских мятежников в небольших деревнях и городках, где на первый план выходит не столько слаженность при стрельбе подразделения, сколько умение отдельного бойца. В итоге ударный отряд четырна-

дцатого линейного полка, которым командовал Дюруа, блестяще показал себя в Алжирской кампании 1879-го года в Оране и потерял в боях в Оране и Сиди-Брахиме только двух солдат ранеными.

– Вот видите, капитан! – кивнул Фефелов. – Выходит, зуавов учили воевать отнюдь не в атаке цепями, как вы предлагаете, а в перестрелке на местности с массой искусственных укрытий – например, домов. А как вы будете действовать в таких условиях? Правильно – высунулся из-за укрытия, стрельнул – и обратно. Какая уж тут стрельба в нижнюю часть тела…

– Ну не знаю, не знаю, господа… – покачал головой Нессельроде. – Возможно, вы в чем-то и правы. Но – увы, в нашей армии сию диковину похоже, все равно оценить некому. Как ни старался Михаил Иванович внедрить обучение с краскометами, поддержки эта затея так и не нашла. Только вот я да Арсеньев с Толстым и увлеклись. Остальные, увы, мыслят до сих пор в категории «пуля-дура, штык-молодец» и не желают замечать прогресса военной техники. Неповоротливость наша российская…

При этих словах Корф иронично переглянулся со своим спутником – молодым человеком, тем самым, памятным офицерам батальона по недавней демонстрации приемов рукопашного боя.

– Скажите, капитан, – обратился барон к Нессельроде. – А генерал Драгомиров приглашал каких-то специалистов из

Франции для обучения солдат владению этими…

– Маркерами, – добавил его спутник.

– Простите, как вы сказали, юноша? – переспросил Фефелов.

– Ну, маркер – ствол пейнт… краскометный. – ответил молодой человек. – Интересная конструкция, пневматика. Только вот заряжать хлопотно – дольше, чем винтовку.

– Да, – ответил штабс-капитан. – Это модель «два-семьдесят шесть», то есть двуствольная, семьдесят шестого года. Заряжается с казенной части вот так… – и Нессельроде, завладев ружьем, ловко переломил его и вложил в стволы два латексных шарика с краской. Потом клацнул стволами, запирая ружье, – и с натугой взвел рычаг газового механизма.

– Дальность стрельбы – всего тридцать пять – сорок шагов. Собственно, это и стало главной причиной отказа от этого метода у нас, в России – слишком малая дальность стрельбы.

– Ну и зря, – отозвался Ромка. – При зачистке больше и не надо. Скорострельность, правда, аховая, но все же два ствола – неплохо…

– При чем? – не понял подполковник. – Боюсь… э-э-э… Роман, кажется? – Боюсь, Роман, я не вполне понимаю ваши термины…

– Ну, зачистка, – пояснил Ромка. – Это когда штурмовая группа входит в аул и чистит его от снайперов и гранатометчиков.

– В аул? Это вы о войне на Кавказе говорите, я правильно понимаю? А что такое…

– Мой молодой друг пользуется несколько непривычными нам терминами, – поспешил вмещаться барон. – Видите ли, он обучался военному делу на… в общем, довольно далеко отсюда. Если вкратце, то Роман говорит о действиях небольших ударных отрядов, действующих на манер казачьих пластунов или башибузуков, в отрыве от крупных подразделений – как раз в таких условиях, как зуавы, о которых вы, капитан, только что рассказывали.

– Ну да, – согласился Ромка. – Я к тому, что господин полковник все правильно сказал: в застройке стреляешь из-за углов, из оконных проемов. Только так: ствол высунул на секунду, шмальнул – и все. Так что, если куда шар и прилетит, то в чан… в голову то есть, – поправился он. – Значит, очки точно нужны. И маска тоже.

– Так вас, значит, тоже обучали пользоваться краскометными ружьями? – спросил Ромку Нессельроде. – Любопытно, крайне любопытно! А не могли бы вы рассказать…

– Вот что, господа, – барон решительно пресек опасный разговор. – Давайте поступим так. Капитан, сколько ружей для краски вы привезли в Москву?

– Ротмистр Арсеньев и капитан лейб-гвардии Финляндского Толстой доставили в Россию четыре набора снаряжения. В 1882-м году мы вместе с этими господами и французом, капитаном Анри Элиаром, которого откомандировал к

нам сам Дюруа, продемонстрировали новинку в Красносельских лагерях, на показательных занятиях. В дальнейшем выписали за свой счет из Франции еще полсотни ружей с материалом для красящих шариков, но доставили в Россию только тридцать штук. Из них семнадцать я и привез с собой в Москву.

– Материал, говорите? А из чего их делают? – поинтересовался барон.

– Сам шарик – из латекса, это такая тонкая пленка из каучука. А синяя краска – медный купорос.

– Вот, значит, как… – протянул Корф. – Впрочем, купорос, так купорос, какая разница… полковник, вы сможете устроить так, чтобы для этих ружей было изготовлено достаточное количество зарядов?

– Если капитан продемонстрирует, как это делается, – конечно, – ответил Фефелов. – Толковые люди в батальоне найдутся.

– Да, и дайте команду соорудить для всех защитные маски и балахоны, – добавил Корф. – Давайте все же не пренебрегать мерами предосторожности. Купорос – штука для глаз вряд ли полезная…

– Так, значит, хотите устроить маневры, барон? – спросил Нессельроде.

– А разве вы не для этого приехали сюда? Вот и проведем – а заодно, предлагаю пари, господа.

– Пари? И какого же рода, позвольте поинтересоваться?..

– Чрезвычайно просто, господа, – ответил Корф. – Наш друг капитан обучает всех желающих офицеров батальона управляться с краскометами… всего их семнадцать, кажется? Недостающих кликнете среди унтеров и нижних чинов, думаю, с этим сложностей не будет. А как будете готовы – недели вам, думаю, достаточно? – устроим потеху. Вы все, под командованием капитана Нессельроде – против меня и троих-четверых моих друзей. С проигравшей стороны – ужин для победителей у Тестова. Нижним чинам и унтерам от меня лично по пять целковых при любом исходе пари. Идет?

Удивленный Нессельроде кивнул и обвел взглядом офицеров. Те реагировали по-разному: кто выжидающе молчал, кто пожимал плечами, а кто и согласно кивал. Фефелов, помнивший о сюрпризе, который в прошлый раз преподнесли барон и его гость, только улыбнулся в усы.

– Я, право, не знаю… – заговорил наконец штабс-капитан. Я здесь не хозяин… как решит господин полковник?

– Я, пожалуй, поддержу пари, – ответил Фефелов. Остальные офицеры, дождавшись решения командира, облегченно закивали.

– Одна только деталь, – продолжал подполковник. – У вас, капитан, семнадцать ружей? А барону и его друзьям ведь тоже понадобится оружие. Значит, нас будет только двенадцать человек.

– Нет, именно семнадцать, – ухмыльнулся Корф. Мы, с

вашего позволения, сами позаботимся о снаряжении.

* * *

– Слушай, Вань, а как дела у Сергея Алексеевича?

Мы сидели в Николкиной комнате. За окном накрапывал мелкий октябрьский дождик; у Овчинниковых начали топить печку, так что тепло было чрезвычайно. Пасмурная хмарь за окном постепенно густела, дело шло к вечеру.

Я пожал плечами.

– Да ничего вроде. Дядя Макар особо не распространялся. Говорит – ранение было очень тяжелое, лейтнант только-только выкарабкиваться начал. Ольга все время возле него сидит, да и сам доктор, видишь, не слишком-то часто тут появляется…

– Да… – вздохнул Николка. – После фестиваля я его, почитай, и не видел. Зато твой папа все время здесь.

– Еще бы! – подтвердил я. – Они с Вильгельмом Евграфовичем целыми днями то в Московской духовной академии пропадают, то дома сидят за компом. Хорошо все же, что отец сумел разыскать ту криптографическую программу, серьезное подспорье…

– Они скоро собираются прочесть те металлические пластинки? – уточнил Николка.

– Ну… – Честно говоря, я и сам толком не знал, как. – До пластинок, знаешь ли, еще далеко. Они сейчас с маалюль-

ским текстом работают. Папа говорит – коптский текст уже перевели, но там много непонятного – например, несколько зашифрованных кусков. Вильгельм Евграфович обещает где-то через месяц закончить с основной частью текста, но пока… Этот египтянин постарался, как мог: часть текста вообще написана зеркальным письмом, причем самая, похоже, важная.

– Значит, будем ждать, – вздохнул гимназист. – Жаль, конечно; все так надеялись, что там окажется что-то интересное…

– Так оно и оказалось! – подтвердил я. – Вот отец с господином Евсеиным уже точно сказали, что уже знают, как закрыть портал. Правда, делать этого все равно нельзя… пока, во всяком случае.

– А почему «пока»? – спросил Николка. – Олег Иваныч вроде в прошлый раз рассказывал, что этот способ позволяет совсем закрывать порталы, – значит, им пользоваться вообще никогда нельзя будет?

– Да вроде бы портал можно не закрыть, а как бы это… свернуть. Ну, привести в такой вид, чтобы его можно было перенести на другое место. Как раз сейчас они над этим куском и бьются. Господин Евсеин говорил, что в тексте манускрипта не хватает большого фрагмента, и придется запрашивать Бурхардта, в Александрии. Вот они сейчас и возятся с пластинами – хотят подобрать сочетания значков, которые обозначают перенос портала. А как подберут – отправят Бур-

хардту, тот поищет нужные комбинации на своих пластинах – и юудет переводить их в первую очередь.

– Так он же вам копии всех пластин отдал? – спросил Николка. – Можно и здесь перевести…

– Можно-то можно, – со вздохом ответил я. – Только очень уж это сложная работа. А немец – он все же спец, каких мало, Евсеину до него далеко. Может, он скорее сделает?

– Хорошо бы, – кивнул Николка. – А то я, честно говоря, как на иголках сижу – все жду, что вопросы задавать начнут. И так уж ходим через наш двор туда-сюда…

– Это точно, – согласился я. – Папа с Корфом вообще собираются предложить Василию Петровичу снять все квартиры в доме – чтобы меньше свидетелей было.

– Не получится, – вздохнул Николка. – Дядя Василий о наших студентах очень уж печется. Ему много раз предлагали куда более выгодных жильцов, а он – ни в какую; не хочет студентов на улицу выставлять, и все тут!

– Да уж… российский интеллигент, – только и усмехнулся я. Нет, честное слово, я еще в первый свой визит к Овчинниковым – ну, тогда, когда мы только встретились с Николкой и прошли через портал, – так вот, я еще тогда подумал, как похож его дядя на отца мальчика Пети из катаевского «Белеет парус одинокий».

– Нет-нет, я вовсе даже и не осуждаю. Конечно, студентов выгонять нельзя. Только сам подумай – а нам-то что делать? Студенты – народ внимательный и думающий… Где

гарантия, что кто-то из них уже к нам не присматривается? А тут еще Яша говорил, что эта сволочь Геннадий к студентам подходы ищет…

– Ну так они там, в университете – попытался возразить Николка. – А у нас все больше из Технического и Межевого.

– Да какая разница? Студенты есть студенты. Этот Лопаткин тоже, между прочим, из Бауманки… то есть, прости, из Технического училища. А где гарантия, что он с тем же Васютиным не приятельствует?

Васютин – это фамилия одного из постояльцев овчинниковского дома, студента четвертого курса Императорского технического училища. Студента Васютина в доме знают как малого деятельного; у него все время тусуются студенты из разных московских вузов. То есть здесь не говорят ни «вуз», ни «тусуются», но суть-то от этого не меняется, верно? Кроме того, болтают, будто Васютин связан с «политическими». Дворник Василия Петровича Фомич косится на беднягу с нескрываемым подозрением и не раз бурчал, что «пора-де барину этого шалопута выставить вон». Однако Василий Петрович, крайне трепетно относящийся к московской студенческой вольнице, и слышать ни о чем не хочет.

– Может, ты и прав, – пожал плечами Николка. – Очень даже свободно… слушай, а может, попросим Яшу это уточнить? Он же теперь сыщик …

– Вряд ли, – покачал я головой. – Вчера он был у нас, беседовал с папой и бароном. Я немного слышал – Яша вроде

бы занят по уши. Геннадий, понимаешь ли, познакомился с каким-то крайне подозрительным польским студентом – так что наш друг теперь денно и нощно их пасет. Говорит – там что-то очень важное и связано с террористами. Так что вряд ли у него найдется время.

– Ну тогда давай сами? – Николке явно понравилась эта идея. – Попробуем проследить за Васютиным. А вдруг он и правда связан с Лопаткиным? Представляешь, как это тогда важно?

– А что, давай, – согласился я. – Только времени нет совершенно. У тебя гимназия, у меня тоже учеба началась… когда? Слушай, может, так? Я для начала раздобуду пару жучков – попробуем всадить их в комнату к Васютину. Попишем его пару дней, а там и определимся. Идет?

– Мальчики! Обедать! – голос Ольги Георгиевны помешал Николке ответить товарищу. – Выходите, все уже за столом!

– Ладно, потом поговорим, – торопливо сказал Николка, и мы направились в столовую, где за большим круглым столом собиралась к ужину вся семья.

До чего же мне нравится ужинать в гостях у Овчинниковых! Наверное, один из самых важных обычаев нормальной семьи – это совместные трапезы. В наше время мало в каком доме это сохранилось: рабочий график, вечерние развлечения вне дома, то-се… сейчас, если вдуматься, даже и телевизор вместе не смотрят. А зачем – если он в каждой комнате стоит, не считая компьютера? Отец рассказывал, как в его

детстве еще были совместные вечерние посиделки перед голубым (тогда так говорили) экраном; да и по выходным порой случались совместные ужины-обеды. Вот и у Овчинниковых Василий Петрович трапезничает с домашними только по вечерам; днем тетя Оля старательно собирает всех к обеденному столу, допуская ужин по отдельности лишь в особых случаях…

За столом разговорились; это тоже был своего рода ритуал. Для начала Василий Петрович принялся расспрашивать Никола о школьных делах. Про Маринку он и так все знал; дочка училась в той же гимназии, где работал он сам и все время была под присмотром. Девочка привычно не упускала случая подколоть кузена по какому-нибудь пустяковому поводу. Впрочем, видно было, что, несмотря на все эти подколки, в семье Овчинниковых царит мир.

Сегодня, однако, предметом беседы была вовсе не Николкина учеба. Московские гимназические круги взбудоражены возмутительным происшествием. Пару дней назад некто Суходолов Викентий Аристофанович (гнуснопрославленный Вика-глист, с которым мы уже имели удовольствие познакомиться, ага), латинист гимназии, где преподает Василий Петрович, остановил на Тверском бульваре гимназиста – а у того у не оказалось гимназического билета. Почему остановил? Да проще простого: на фуражке гимназиста отсутствовали инициалы учебного заведения. Я еще со времен первого знакомства с Николкой узнал, что обычай выламы-

вать римские цифры из жестяного веночка-кокарды был своего рода неписаной традицией гимназистов – и полагал, что начальство давно с этим смирилось. Так оно, кстати, и было; и лишь самые рьяные и придурковатые ревнители казарменной дисциплины все еще пытались плыть против течения.

Таким был этот самый Вика-глист. И когда ученый муж спросил задержанного, из какой тот гимназии, парень просто послал его подальше. Ну, так, во всяком случае, можно трактовать в реалиях девятнадцатого века ответ «никакой». Латинист натурально взбеленился и попытался получить более внятный ответ, но нарушитель просто удалился, посвистывая. Опешивший от такой наглости препод принялся звать городового; тот явился и задержал гимназиста, который, впрочем, и не думал бежать.

Нахалом этим оказался некий Эффенбах, ученик седьмого класса одной из московских гимназий – и теперь его судьба, как, впрочем, и роль, сыгранная в этом прискорбном инциденте латинистом, горячо обсуждалась во всех гимназиях и реальных училищах столицы. Николка, конечно, был в курсе – и стоило ему упомянуть, что по этому поводу говорят в классе, как Василий Петрович завелся не на шутку. Он, судя по всему, тоже-недолюбливал латиниста, однако же никак не одобрял поведения Эффенбаха.

– Что делать с такими вот молодыми нахалами? – сетовал дядя. – Сечь поздно, а не сечь – распустится еще больше. Простить, не изгнав (совершенно заслуженно, кстати)

из гимназии, – обнаглеет еще больше. Выгнать – станет, пожалуй, еще и революционером. Времена наступили тревожные, – рассуждал Василий Петрович, – и сейчас многие родители мальчиков даже и благородных семей всерьез опасаются, что их дети уйдут в бомбисты, анархисты, революционеры. Всем памятны еще нигилисты, о которых писали Тургенев и Чернышевский. Да и родители гимназистов сами не раз встречали подобных нигилистов на улицах Москвы – точно так же, как и убежденных народников в красных мужицких рубахах.

Правда, по словам Василия Петровича выходило, что у нигилистов дресс-код был несколько другой: темные очки, перекинутый через плечо плед, небрежность и неопрятность, рабочие рубахи с кожаными поясами. Мужчины носили длинные волосы; девицы-нигилистки, напротив, стриглись коротко. Эх, знал бы он, что из этого выйдет через какие-то 25 лет… впрочем, не о том сейчас речь.

Меня, признаться, это изрядно удивляло – неужели местные жандармы настолько беззубы, что будущие революционеры совершенно их не боятся выставлять напоказ свою принадлежность к противогосударственному движению? И это – всего через пять лет после цареубийства? Тогда, пожалуй, я понимаю Геннадия и его радикалов, которые вопреки здравому смыслу обосновались в таком рассаднике нигилизма, как «Ад»…

Пока я так расуждал, тема разговора сменилась. На этот

раз нить беседы взяла в свои руки Ольга Георгиевна, и выволочку получал не абстрактный какой-то Эффенбах, а вполне конкретный племянник. Оказывается, тетя, открыв какой-то их его учебников, увидела на форзаце следующее предупреждение:

> *«Сия книга принадлежит Николаю Владимировичу Овчинникову. Кто возьмет ее без нас, тот получит в правый глаз, кто возьмет ее без спроса, тот останется без носа».*

Грозное предупреждение не напугало тетю Олю, а наоборот, привело ее в крайнее раздражение; в результате мы с четверть часа выслушивали (вполне в духе застольных наставительных бесед, принятых, по ее словам, в Институте благородных девиц) нравоучение на тему трепетного отношения к книгам вообще и к учебникам русской словесности – в особенности. Николка, красный, как рак, весь извертелся на стуле; Василий Петрович лишь одобрительно кивал, не отрываясь, впрочем, от тарелки. Вредина-Маринка торжествовала; а когда тетя Оля разразилась особенно поучительным пассажем, Николкина кузина как-то по-особому стрельнула в меня глазами и, потянувшись за хлебом, как бы ненароком оставила рядом с плетеной корзинкой крошечный бумажный шарик. Я сразу сообразил и, взяв в свою очередь кусок хлеба, прихватил и «спаслание». Вот ведь тоже утраченная навсегда наивная деталь времени; кому в наше время СМС и соцсетей могут понадобиться подобные записочки? Роман-

тика, что тут скажешь…

Я догадывался, от кого эта записка, и, видимо, на физиономии у меня это было написано: во всяком случае если судить по тому, как ехидно ухмыльнулась Маринка. Потом она, не удержавшись, показала мне кончик языка; глаза ее смеялись, а я все никак не мог сосредоточиться, и думал о бумажном шарике, зажатом в кулаке…

Размечтался, как же!

Нет, никаких признаний и объяснений в записке не оказалось, а было там вполне невинное приглашение на… за неимением подходящих аналогий назовем это «музыкально-литературным вечером». Оказалось – такие мероприятия проводят в гимназиях традиционно в течение всего учебного года. Порой они приурочены к какой-то дате, а порой – просто так, в рамках, так сказать, «общей программы». Я все время забываю, как бедна здешняя жизнь на общедоступные развлечения и как отсутствие того же телика (не говоря уж о компьютере) заставляет людей тянуться друг к другу и вместе изобретать способы занимать свободное время. Случилось мне как-то, зайдя к Николке, попасть под раздачу: его тетушка и кузина, находясь в особо приподнятом настроении, заставили нас ставить какие-то «живые картины». Я раньше не слышал об этом развлечении и, признаться, так и не просек до конца всей его прелести, – видимо, это стало заметно, а потому веселие и заглохло довольно быстро.

Вот и сейчас речь шла о похожем мероприятии – правда,

куда более официальном. В записке Варенька Русакова осведомлялась о моем самочувствии и интересовалась, не захочу ли я принять приглашение (это я цитирую!) к участию в скромном поэтическом и музыкальном вечере, что намечен в стенах их учебного заведения. В конце имелась приписка, в коей предлагалось обратиться за подробностями к той же Марине. Вот убей меня бог – я так и не понял, зачем было обставлять этот процесс такой загадочностью; видимо, я чего-то не догонял в плане местных понятий о романтике. А может, и в плане приличий. Кто его знает, как тут принято приглашать на дискотеки?

Вредина-Маринка, понятное дело, была в курсе; стоило мне после ужина подойти к ней, она тут же выложила все, не дожидаясь расспросов. К моему удивлению, в курсе оказался и Николка; но, видимо, из солидарности с сестрой, а возможно, руководствуясь все теми же неведомыми мне понятиями о деликатности, заранее меня предупреждать не стал.

В общем, мне предлагалось прибыть на прием вместе с Мариной и Николкой (он, как сын преподавателя гимназии и брат одной из воспитанниц, тоже был приглашен). В программе литературная декламация, пение, и в качестве вишенки на троте – танцы. Я уж принялся думать горькую думу о том, как буду выкручиваться, – о местных танцах я имел представление разве что по «Лебединому озеру», как вдруг оказалось, что это еще не самое пакостное из предстоящих испытаний.

Эти вечера придумывают веселые ребята. И с фантазией у них, надо сказать, все в порядке. Раз уж мы удостоены такой великой чести, что приглашены, – заявила Маринка, – нам придется соответствующим образом подготовиться к предстоящему КВН-у. А именно: изобразить какую ни то сценку на двух-трех человек. Я впал в ступор, а Николка тут же пояснил: нужно найти либо кусочек какой-нибудь малоизвестной пьесы, либо некие стихи с особым смыслом – и представить почтеннейшей публике.

Пока я переваривал это сообщение, брат с сестрой с энтузиазмом кинулись к книжным полкам в кабинете Василия Петровича и тут же принялись ссориться, вытаскивая один за другим пыльные тома. А я сидел и тихо зверел. Ну не был я готов к подобной самодеятельности, хотя и в школе много и охотно играл в «английском театре», и не на последних ролях. А тут – почему-то робел; видимо, настолько прочно сидело во мне представление о высоком (в сравнении с нами, разумеется) духовном, культурном, театральном наконец уровне предков, что я и представить себе не мог, что буду с ними в этом тягаться…

После склоки, полной неподдельной экспрессии, Маринка вытянула все-таки какую-то книжонку— о ужас! – на французском. Оказалась, что и она, и кузен неплохо владеют этим языком; мои же познания сводились к «мадам и мусью» плюс нескольким заимствованным у реконструкторов строевым командам. Что я и привел в качестве робкого аргумен-

та, надеясь еще отвертеться от навязанной мне роли. Не вышло, да и не могло выйти: оказалось, что данное мероприятие планируется вообще-то на четверых, и четвертой будет не кто иной, как Варенька Русакова; роль же ее пакостная Маринка намерена списать и завтра в гимназии передать подруге. Так что слушать меня не стали, Николка сел за стол переписывать для меня текст… и тут я разозлился всерьез.

– Так. А ну убирай эту галльскую пачкотню, – заявил я гимназисту. – У вас дома или в гимназии найдутся какие-нибудь тряпки, чтобы изобразить царя, царевну и генерала в духе сказок Пушкина? А еще – Бабу-Ягу?

Марина с Николкой недоуменно переглянулись и хором принялись возражать. Требуемые костюмы, как ни странно, имелись – в конце прошлого года Марина и ее одноклассницы ставили для воспитанниц младших классов утренник, посвященный как раз именно сказкам Пушкина; однако же тема эта никак не годилась для столь серьезной и изысканной публики, как тринадцатилетние гимназистки и их гости, и вообще – что за детство! «Вот если вы, Иван, немного послушаете и выучите роль… она, право же, совсем нетрудная…»

– Вы меня выслушайте, хорошо? – пресек я эту болтовню. – Давайте договоримся так: я прочту вам маленький кусочек; а потом, если вы, глядя мне в глаза, скажете, что это не интересно, – черт с ним, обещаю выучить эту лабуду хоть на французском, хоть на марсианском.

Марина, слегка помедлив, кивнула (Николка, уже пред-

чувствуя подвох, с интересом уставился на меня), и я, встав посреди комнаты, выдал на память отрывок из пьесы Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Примерно через четверть часа Ольга Георгиевна заглянула в комнату Марины. Не сделать этого она никак не могла – из-за плотно закрытой двери раздавались такие взрывы хохота, что в столовой за стенкой чуть не падала посуда. Когда возмущенная женщина распахнула дверь, намереваясь строго выговорить нарушителям спокойствия, перед ее взором предстала совершенно неприличная картина: племянник буквально катался по полу и ржал – смехом эти дикие звуки никак нельзя было назвать. Дочь Марина буквально рыдала от смеха, вытирая глаза кружевным платочком и пытаясь выговорить сквозь приступы гомерического хохота:

– А ну… как там… повтори еще, про людоеда?

А герой веселья, то есть я собственной персоной, стоял опершись на стул и, еле справляясь с собой, декламировал про то, что «на ем же из одежи – ничаво, помимо бус».

И через минуту к хохоту в детской присоединился тихий, но вполне зажигательный смех тети Оли…

Глава 4

«– …И личины бесовские! Как около двери завозились, я сразу подошел и кричу: «Кто это там фулюганит? Сей же час городового позову, будет ужо вам!» – А дверь вылетела, и полезли эти… в личинах…»

Иду в глубину аптечного склада. Разгром. Пронзительно пахнет медикаментами и спиртом. Под ногами хрустят осколки склянок, с жалобным треском лопаются какие-то пузырьки. У дальней стены между парой высоких стеллажей стоит несгораемый шкаф. Он выпотрошен; массивная, с песчаной засыпкой дверь, валяется в стороне. Запах здесь другой – как в ремонтной мастерской при паровозном депо. Пахнет горелым металлом и еще чем-то остро-химическим.

Ночной сторож продолжает:

– Мне-то револьвером в зубы ткнули, потом руки стянули эдакой дрянью – и в угол. Один спрашивает: «Где хозяин кокаин держит»? Я сказал, конечно, – а кто бы не сказал, ваше благородие? Жить-то хочется, детишек у меня трое. Кто их поднимать будет, кто в люди выведет?

Вот, значит, и говорю – в шкапе несгораемом он, недавно только получили из Германии большую партию, наилучшей очистки. Я потому знаю, что Моисей Львович третьего дня дюже радовался, когда курьер энтот… кокаин привез с вокзалу…

Моисей Львович Тумаркин, гомельский мещанин – хозяин аптечного склада. Городовой, посланный приставом, поднял его с постели и приволок посреди ночи на склад; теперь Моисей Львович бродил посреди своего разгромленного имущества, ожидая, когда пристав станет его допрашивать.

– Ну вот, а потом ключи потребовали. Я и говорю – у хозяина ключи, я человек маленький и в руках их не держал! Тогда злыдни эти меня в угол, сами достают из мешка такую машинку, с кругом. Она затрещала, завоняла – а лиходеи давай ею по шкапу елозить. Из-под круга – искры снопом, вон, чуть занавесь не прожгли! Дверку враз срезали и внутрь полезли, ироды…

Подошел Канищев, помощник пристава, известный всей округе гроза бродяг и мелких жуликов. Канищева я знаю давно; он большой любитель газетных статей о подвигах полицейских сыщиков и мечтает, что однажды и его имя попадет в такой вот очерк, а потому охотно рассказывает о любом происшествии.

– Это не наши. Непременно громилы хитровские постарались – их работа. Наши – нет, мелочь, шелупонь, на такое лихое дело не способные.

«Громилами» в воровском мире Москвы именуют специалистов по крупным кражам и налетам. Эти преступники обыкновенно совершают взломы: пробивают стены, ломают замки, или, как говорят, «проделывают сундуки».

Я не соглашаюсь – уж больно необычно и изобретательно совершен этот налет. Никогда

раньше в Москве не было слышно о шайке, прикрывавшей лицо такими страшными и необычными масками. Хотя, конечно, маски – не новость; вот на прошлые Святки попались приезжие с юга России – «громилы» грабили ссудные кассы, прикрывая лица обычными маскарадными личинами петрушек и арлекинов, купленными в лавках. Однако же здесь были вовсе зверские личины; ни разу не слышал, чтобы такие где-нибудь продавали.

Принужденный согласиться со мной, Канищев только посетовал, что «громилы» оказались совсем уж отчаянными – уходя с добычей, застрелили городового, прибежавшего на шум. Обыватели соседствующих домов выстрелов, однако, не слышали и ничего сообщить не могли…»

– Вот видите, Олег Иванович! Это точно они! – Яша сложил газету и протянул ее Семенову. – Сам Геннадий на дело не ходил, это я наверняка знаю. Это все ихний… Дрон, да? И с ним еще двое каких-то, раньше никогда не видел. Сидели до ночи в «Аду», все разговаривали. Затею свою обсуждали. Я, Олег Иванович, в этом «Аду» уже совсем своим стал – каждый вечер там просиживаю. Сначала вроде бы уроки брать приходил, а теперь перезнакомился там со студентами – так они меня после занятия всегда чай пить оставляют. Ну я пью; а машинка в кармане все пишет!

– Молодчина, Яша, – искренне сказал Олег Иванович. – Значит, господин Войтюк со товарищи решились все-таки на

откровенную уголовщину…

Он развернул газету и еще раз пробежал глазами статью:

– Автор – Гиляровский В.А. Надо же, как совпало… ты ведь знаком с ним, Яков?

– А как же! Если бы не господин репортер – меня бы уже и на свете не было, – подтвердил Яша – Это ведь он господина Корфа с господином Никоновым в «Сибирь» тогда провел! Я все к нему зайти собираюсь, приглашали… да никак не соберусь, дел по горло…

– А ты не откладывай, – посоветовал Олег Иванович. – Может, господин Гиляровский еще что об этой истории расскажет – что в газету не попало. Вот сегодня и зайди.

Яков с готовностью помотал головой. Репортер понравился ему еще в прошлую встречу.

– Да, нехорошая история. Аптечный склад… и выбрали-то мерзость какую: кокаин…

Яша вновь кивнул. Гости из будущего уже успели поведать ему о том, какие страсти разыгрываются в их мире вокруг торговли этим веществом.

– А с убийством полицейского как вышло? – продолжал расспрашивать Семенов.

– Да тут вообще глупо получилось. Они же когда в склад ворвались – никого на атасе не оставили. То есть оставили одного, но он постоял-постоял да и пошел внутрь. Дверь, конечно, прикрыл, да только ее сквозняком возьми да и отвори. А по улице как раз проходил мужик какой-то, и надо то-

му случиться, что оказался это дворник их соседнего дома – возвращался к себе, от кума из Москворечья. Ну, он услышал, как дисковая пила визжит, заинтересовался, поближе подошел. А как разглядел, что замок-то сломан, сразу кинулся к углу – и ну свистеть!

– Бдительные тут у вас дворники, – усмехнулся Олег Иванович. – Не то что в наши времена. У нас все больше на видеокамеры надеются. А грабят все равно чаще. Ну ладно, и что дальше?

– А что ж могло быть? – удивился молодой человек. – На свисток городовой прибежал – а тут эти, из аптечного склада выходят. Городовой к ним и шагнуть не успел, как Дрон – он впереди был – руку вскинул и три раза в него с револьвера. Я, Олег Иванович, все очень хорошо видел, прятался в палисаднике. И знаете что? Выстрелов не было – хлопки такие глухие, и все! А городовой сразу упал, как подкошенный, только ногами засучил и стих…

– Глушитель, – кивнул Семенов. – Вот ведь поганцы…

– Ну да, глухо так – никто ничего и не слышал. А потом – в переулок, их там пролетка ждала. А я, Олег Иванович, извозчика не смог уговорить меня подождать – уехал он… вот и погнался на своих двоих. Только за лошадьми разве угонишься? В общем, я их потерял. А потом, сегодня вечером уже, прочел в «Ведомостях», что на Ильинке нашли извозчика, застреленного ночью. В газете номер бляхи привели – он, тот, что их от аптечного склада забирал…

– Да… Крови ребята не боятся. Вот и свидетеля убрали. Черт возьми, прямо как в девяностые… – и Олег Иванович невесело покачал головой. – Слушай, Яков – если ты не против, давай прокатимся сейчас до доктора Каретникова? Расскажи ему все заново. А к Гиляровскому завтра заглянешь. Ох, чувствую, наплачемся еще мы с этими милыми юношами…

– Я – что? Я ничего, если надо… – И Яша послушно полез на переднее сиденье «Нивы-Шевроле» Семенова.

Громада главного корпуса седьмой клинической больницы возвышалась в стороне от Каширки подобно авианосцу посреди пустынного рейда. Серый длинный высоченный плоский корпус, стоящий немного под углом к шоссе, господствовал над окружающей зеленью, посреди которой то тут, то там просвечивала какая-то мелочь – то ли подсобки, то ли гаражи, то ли трансформаторные будки… В стороне от корпуса, но в периметре больничной ограды, раскинулась необъятная парковка; дорожки вели от нее и к главному корпусу, и к приемному отделению, и еще куда-то. Народу в этот час на парковке было немного: начало дня, до времени посещения еще далеко, а ночная смена давно уже отправилась по домам, уступив место тем, кто пришел на работу с утра.

Каретников встретил гостей на улице; они отправились по одной из бесчисленных дорожек меж кустов и газонов. Яша с любопытством озирался: хоть он и не в первый раз уже бывал в двадцать первом веке, ему случалось даже провести в

будущем два дня подряд, но новизна ощущений еще далеко не притухла. Яше было интересно все – и громады домов, и наряды людей, проходящих мимо по своим делам, и еще тысяча всяких мелочей, на которые ни Олег Иванович, ни Каретников, ни любой из здешних обитателей привычно не обращали внимания.

Одет Яков был во вполне нейтральные джинсы и футболку; с некоторых пор и Олег Иванович и доктор приучились возить в багажниках комплекты такой вот «запасной» одежды и для Яши, и для Николки. Мало ли когда мог застигнуть их телефонный звонок и просьба:

«Дядя Макар, мы тут перебрались к вам, как бы нам попасть…» А мальчики, в свою очередь, уже приспособились ловко переодеваться на заднем сиденье машины, чтобы не привлекать больше внимания окружающих нарядами в стиле «ретро».

Хотя и то сказать – что им, москвичам? Они и не такое видели; разве что проводят необычных подростков удивленным взглядом да и забудут тут же через минуту, окунувшись в суету столичной жизни. Однако же почти в каждом кармане давно уже лежал смартфон, оснащенный камерой, и уж молодежь давным-давно приучилась фиксировать все необычное – и тут же сливать ролики в социальные сети. Так что – нет уж, ни к чему, не будем лишний раз дразнить гусей…

Пока Яша озирался по сторонам, Олег Иванович вкрат-

це изложил Каретникову ситуацию; тот крепко задумался. Потом отвлек Яшу от его увлекательного занятия, задал несколько вопросов – по большей части о порядке торговли известными веществами в аптеках. Яша ответил не только охотно, но и подробно и исчерпывающе; еще бы, не зевака он какой-то, а серьезный человек – и уж конечно подробнейшим образом изучил вопрос, как только узнал, что недобрые гости из будущего вплотную интересуются кокаином. Хотите знать подробности? Да вот, пожалуйста, с нашим полным удовольствием: в Москве можно отыскать три группы продуктов, содержащих кокаин: средства для обезболивания (например, порошок от зубной боли), лекарства от простуды, облегчающие головную боль и кашель, и так называемые «медицинские вина», использовавшиеся как средство от многих болезней. Продавались порошки в аптеках открыто, в запечатанных коричневых баночках, по одному грамму, стоило достаточно дорого: около рубля за коробочку.

Обыкновенно эти средства приготавливались и дозировались провизорами прямо в аптеках; человек оборотистый мог легко приобрести наичистейший недозированный порошок кокаина на аптечном складе, где за него платили вдесятеро меньше; правда, и продавали порциями никак не менее, чем по пятьдесят граммов. Такой именно склад и подвергся налету сообщников Геннадия; как успел уже разузнать Яша, всего из сейфа пропало более полуфунта кокаина

и почти полтора фунта наилучшего, тоже немецкой очистки, порошка морфия. Последний стоил особенно дорого, из-за чего особенно убивался владелец склада Моисей Львович Тумаркин.

И еще кое-что вызнал Яша – примерно за полгода до налета господин Тумаркин с позором выгнал со службы некоего Евгения Крынникова, уроженца города Киева, годом раньше также изгнанного за неуплату с медицинского факультета Московского университета. Сей господин Крынников, служивший при аптечном складе помощником провизора, характер имел скверный, непрерывно ссорился с сослуживцами и в итоге был обвинен ими в каком-то мелком воровстве. В полицию обращаться не стали, однако же работа в аптеках Москвы была теперь для неуживчивого бывшего студента закрыта.

Так вот. Хоть сей господин и оставил в свое время учебу, но не вовсе растерял свои прежние университетские знакомства; именно в компании студентов и увидел его в первый раз Яша. Причем время несостоявшийся медик и фармацевт (которого в студенческой среде называли не иначе как Жорж) проводил в обществе Володи Лопаткина, с некоторых пор – близкого приятеля незваных гостей из будущего.

Все это Яша и изложил собеседникам. Олег Иванович с Каретниковым внимательно выслушали, время от времени задавая уточняющие вопросы, а затем принялись спорить. Яков к тому моменту уже и думать забыл о том, чтобы гла-

зеть по сторонам, – слишком уж важные и любопытные вещи обсуждались, тут уж не до чудес будущего…

– Ну, в общем, все ясно, – говорил Каретников. – Эти озорники решили срубить денег по-легкому и пошли самым очевидным путем. Учись, Олегыч, это тебе не часами барыжить…

– Ну уж и по-легкому, – не согласился Семенов. – По-легкому – это переть на ту сторону антиквариат, Фаберже какого-нибудь или Перова с Репиным. Здесь они только набирают популярность, а там… сам знаешь.

– Тогда уж импрессионистов, – покачал головой Каретников. – Вон того же Мане – во Франции его картины толком еще никому не нужны, а у нас… сам знаешь. Миллионы.

– И как ты себе это представляешь? – усмехнулся Олег Иванович. Все его картины известны, обнюханы искусствоведами до последнего штриха. В лучшем случае – можно выдать за вторую версию, но это же не Нестеров, который своего «Пустынника» раза три повторял… и не Мунк с его «Криком».

– Ну ты и сравнил, Олегыч. – поморщился Каретников. – Вот уж не знал за тобой пристрастия к декадансу. Но в одном ты прав: продавать произведения искусства такого ранга – это дело мало того что хлопотное, так еще и весьма рискованное, – засветишься непременно, да и вопросов будет море. А если частным коллекционерам – то тут надо быть вхожим в очень уж специфические круги; откуда у наших «дру-

зей» такие связи? Нет, не их уровень. А вот дурь толкнуть – это очень даже легко. Особенно если цены не заламывать.

– Ну не скажи, – возразил Олег Иванович. – Сейчас все же не девяностые, все эти рынки давным-давно поделены, значит, продавцы полезут на чью-то поляну. А такого, сам понимаешь, не прощают.

– Это если не выйти на тех, кто такую поляну держит. Тем более что они, кажется, собираются провернуть всю операцию по бартеру. Яков, вы что-то говорили об оружии?

– Верно, Андрей Макарыч, – подтвердил Яша. – Было такое. Этот Геннадий, когда Дрону ихнему указания давал, особо напоминал, чтобы за кокс – это он так кокаин называл, извините, если что – только стволами брал. Хотя бы часть суммы.

– Шустрые мальчики, – покачал головой Каретников. – Еще бы понять, зачем им оружие…

– Что-то мне подсказывает, – усмехнулся Семенов, – что они собираются пустить его в ход на той стороне. То есть в прошлом.

– Ну ты прям капитан Очевидность! – восхитился Каретников. – А то я не понимаю! Присмотреть надо за ними, вот что. Справишься, Яша? И учти, теперь это стократ опаснее – раз уж они убивать начали.

– Конечно справлюсь, Андрей Макарыч! – довольно ответил Яша. Глаза его горели азартом – видно было, что молодой человек думает теперь о чем угодно, только не об опас-

ности. – Никуда они от меня не денутся! Вот, кстати, еще насчет того фармацевта, Жоржа Крынникова…

– Погоди, Яков… – остановил молодого человека Олег Иванович. – Слушай, Макар, на той стороне мы за ними, конечно, посмотрим. Только, может, им и здесь укорот дать? Шутки шутками, а дури они вон сколько взяли – и наверняка вот-вот примутся ее сбывать. А это – сам понимаешь…

Олег Иванович выбрал верный ход. Каретников, несколько лет проработавший выездным медиком в бригаде МЧС, насмотрелся на наркоманов и их жертв – и испытывал к наркоторговцам холодную и брезгливую ненависть. И в данном случае ни о каких колебаниях речи быть не могло.

– Это верно… – медленно протянул доктор. – Сделаем вот как. Попробую-ка я слить инфу насчет наших клиентов. Доказательств у меня, понятное дело нет, даже имен не имеется – мы ведь так и не сумели толком их здесь установить. Хотя нет, кое-что имеется – Оля-то Геннадия хорошо знает, может, и Дрона с остальными по фамилиям вспомнит? Пожалуй, дам знать ребятам из наркотного отдела – есть у меня там пара старых приятелей. Если и не накроют они этих умников, то проблемы им создадут наверняка. Особенно, если там тема с оружием всплывет.

– А они не поинтересуются, откуда у тебя такая информация? – осведомился Олег Иванович. – А то – что ты им ответишь?

– Я же врач, – усмехнулся Каретников. – А с нами, врача-

ми, люди порой как со священниками откровенны. И к тому же – ты, помнится, сам говорил, что у них потери были – пристрелили кого-то там на Хитровке, верно? Вот, в случае чего, на покойника все и свалим… Да не бойся ты, – добавил он, – в наркотном нормальные мужики сидят, меня сто лет знают – если скажу им, что не хочу источник сведений светить, – поймут, копать не станут.

– Ну, смотри, тебе, конечно, виднее, – с сомнением покачал головой Семенов. – Но все же я бы на твоем месте поостерегся. Это, знаешь ли, такая публика – копать, может, и не станут, а на карандаш попадешь. Да и потом – ну вот возьмут они Геннадия и его веселую команду. И что они им наплетут? О нас, заметь, наплетут! Я бы на их месте точно наплел бы – хоть какой-то шанс из тривиального подследственного превратиться во что-то более… перспективное. Сам понимаешь, если тема с тоннелем во времени всплывет – ею люди совсем другого уровня будут заниматься. А нам это надо?

– А ведь верно! – задумчиво произнес Каретников. – Я, Олегыч, об этом, признаться, даже и не подумал. Да, похоже, надо искать другие методы. Да, ведь эти олухи и сами могут засветиться! Что ж нам теперь – молиться прикажешь, чтобы они свои гешефты по-тихому тут провернули и не попались? А ведь получается, что и придется…

– В общем, так выходит, что разбираться с этими затейниками нужно на той стороне, – вздохнул Семенов. – И тут

мы уж без тебя, Яков, никак. Что ты там насчет этого недопровизора рассказывал?

Глава 5

– Знаешь, никак не могу привыкнуть к виду Кремля. Вот чего угодно ожидал, но только не того, что он белый. То есть я, конечно, читал об этом… ну, наверное, читал. – поправился я. Или слышал. Москва белокаменная и все такое… Но – увидеть самому! Вот уж точно разрыв шаблона!

Мы шагали по Никольской в сторону Лубянки. Накрапывал противный стылый осенний дождик; Николка поднял воротник шинели и поглубже натянул на уши фуражку. Мне пришлось делать то же самое – и всю дорогу я с грустью вспоминал о такой удобной вещи, как капюшон и все гадал, какому это мазохисту пришло в голову отрезать его от куртки, да еще и совместить с шарфом?

– А, по-моему, красный, как у вас, – красивее, – не согласился Николка. – А то у нас побелка со стен все время облезает. И Кремль все время какой-то обшарпанный.

– Это да. – ответил я. – Вид у него не очень-то презентабельный. Нет, с той стороны, из-за реки – еще ничего, а вот со стороны Красной площади – бр-р-р…

– Да, – кивнул Николка. – У вас она совсем не такая. Столько простора, и торжественно так… и пирамида эта, у стены! Я как в первый раз увидел – меня прямо до костей пробрало! А я ведь тогда еще о вашей истории ничего не знал – ни о революции, ни о мировых войнах, ни о чем.

– Это все потому что у вас столица в Питере, – назидательно заметил я. – Сам подумай: разве можно центральную площадь страны превращать в базарный майдан? Небось, на Дворцовой никто не позволит возле Александровского столпа лавки раскидывать…

– Только, по-моему, зря они памятник Минину и Пожарскому передвинули, – добавил Николка. – На прежнем месте он лучше был.

– Так парады же! Ты бы видел, как по Красной площади войска идут! А когда колонны техники – так и вообще небо дрожит! Недаром все говорят: нигде таких парадов, как у нас на Красной площади, нету!

– Могу себе представить, – кивнул гимназист. Он уже успел увидеть грозные боевые машины будущего – правда, только в музее под открытым небом, на Поклонной горе, где они с Ваней как-то провели целый день, лазая по танкам и орудиям. Особенно сильное впечатление произвела на него грандиозная двенадцатидюймовая железнодорожная артустановка высотой с многоэтажный дом. – Могу себе представить, как эти танки идут по брусчатке.

– Ничего, еще увидишь, – великодушно пообещал я. – Дядя Макар обещал на майский парад Победы добыть несколько пропусков – через Военно-историческое общество. Для тебя, барона и господина лейтенанта… ну, он же к тому времени поправится? А парад будет – закачаешься! Еще бы – семьдесят лет Победы!

– Скорее бы, – вздохнул Николка. – То есть не парад, а чтобы Сергей Алексеевич поправился. А то у нас такие дела, а он лежит в больнице и скучает…

– Это вряд ли. Папа говорит – дядя Макар его там за уши от ноутбука пытается оторвать, только без толку, Господин лейтенант с макушкой ушел во всякие там цусимские форумы, ну и книги по истории флота глотает одну за одной. Я и сам его в соцсети отыскал – представь, он в инете уже настолько освоился, что даже аккаунты стал заводить! Наверное, Ольга помогла…

– Что-то давно я ее не видел, – с беспокойством заметил Николка.

– Ну да, конечно. Она же из палаты Никонова, считай, и не выходит – все время рядом с ним! Папа говорит – как лейтенант выздоровеет, они непременно поженятся.

– Ну, дай бог… – согласился Николка. – Зато Роман на нашей стороне все время проводит, у барона. Интересно, зачем мы им сегодня-то понадобились? Я Яшу пытался расспросить, но он, как всегда, ничего не сказал – передал приглашение от господина Корфа и умчался куда-то…

– Вот скоро и узнаем, – отозвался я. – Только к Биткову в оружейный магазин заглянем – папа просил ружейного масла купить – и сразу к барону, на Маросейку. Интересно, как там сейчас в школе Василь Петровича…

Фехтовальный и гимназический клуб, который держал Евгений Петрович Корф, располагался на улице Маросейка,

всего в паре кварталов от женской казенной гимназии, где служил дядя Николки, Василий Петрович.

Там же училась Марина и Варенька Русакова. Мы на днях побывали в этой гимназии, на литературном вечере – и имели там несомненный успех. И на закуску получили приглашение на главное гимназическое событие года – бал в честь дня рождения гимназии. Ну, у них там этот праздник как-то по-другому называют, не помню. Проводят его в конце ноября.

О новом визите в девичью гимназию думать было приятно. Вот Николка идет рядом и хитренько так щурится – небось, понимает, почему я расспрашиваю. Да-да, дружище, конечно, все дело в Вареньке Русаковой – слепой бы и то заметил, какими глазами мы с ней весь вечер смотрели друг на друга…

– Я, кстати, обещал одноклассницам Маринки текст «Федота-стрельца», – вспомнил я. – Ну, текст-то я им доставлю, не вопрос, раз уж обещал, – только я вот что подумал – а может, это неправильно? Ну, вроде как воровство получается – Филатов-то эту сказку еще не написал. Да он и вообще не родился! А если она уже сейчас известна станет – то, может, он ее и вовсе не напишет – в вашем мире?

– Ну, что-нибудь другое сочинит, – возразил Николка. – И вообще помнишь, что Олег Иванович говорил? Чем больше мы сюда всего разного из вашего времени принесем – тем сильнее будет наша история отличаться от того, что у вас

случилось. Вон господин лейтенант как флотом и кораблями занялся! Вот выйдет из больницы, вернется к нам – и сразу объяснит адмиралам в Петербурге, как правильно военный флот надо устроить! Тогда, может, и не будет ни поражения от японцев, ни революции этой ужасной. И вообще – все по-другому пойдет! А этот твой Филатов, может, и вовсе не родится, а если и родится, то будет не актером, а, например, звездным путешественником!

– Ну да, так они его и послушают, адмиралы ваши! – скептически хмыкнул я. – По-моему, господин лейтенант даже и не представляет себе, что его ждет. Знаешь, сколько у нас книжек на эту тему напридумано? В них, конечно, вот такой «попаданец» – ну, у нас так называют человека, который оказывается в прошлом и начинает там сразу все менять, – сразу все объясняет, внедряет новую технику, научный и промышленный скачок устраивает, войны выигрывает. Только, думается мне, не выйдет из этого ничего. Вот так, в лоб – «пришел, объяснил, внедрил» – точно не выйдет. Слишком уж много всего менять в России придется…

– А по-моему, он справится, – упрямо стоял на своем Николка. – Он ведь не просто лейтенант, а в Научном комитете служит! Как же его не послушают? Да вот я еще папе в Севастополь про него напишу…

– Только ты того… поосторожней, – посоветовал я не в меру разошедшемуся гимназисту. – А то прочтет отец: «Здравствуй, дорогой папочка, я тут сгонял на сто тридцать

лет в будущее и выяснил, как сделать так, чтобы российский флот был самым могучим в мире, и чтобы большевики династию Романовых не перестреляли», – да и примчится спасать любимого сыночка от буйного помешательства…

* * *

Вообще-то в «Аду» не было принято запирать двери. Это общежитие располагалось в полузаброшенном барском доме дворян Чебышевых в знаменитом на всю Москву студенческом квартале между Большой и Малой Бронными улицами. Когда-то там снимали комнаты многие известные народовольцы; однако же из соображений конспирации собираться они предпочитали не там, а в трактире «Крым», что на Трубной площади.

«Крым» слыл заведением разгульным – обычным местом отдыха шулеров, аферистов и всякого жулья, сохранявшим, впрочем, приличный вид. А вот под нижним этажом, уже глубоко под землей, подо всем домом раскинулся огромный подвальный этаж, сплошь занятый одним трактиром. Место это, безусловно самого разбойничьего пошиба, именовалось «Ад».

Соседствующее с «Адом» подземелье именовали «Треисподняя». Пускали туда не всякого – для того, чтобы удостоиться этой чести, надо было быть известным лично буфетчику или местным вышибалам. Зато и было в «Треисподней»

тихо – тут серьезные воры проигрывали куш, делались дела: то «тырбанка сламу», то есть дележка и продажа воровской добычи, то тихо, незаметно и оттого аккуратно исполняли заказы по фальшивым паспортам. Косматые студенты с их неизменной «Дубинушкой» были здесь привычными гостями – полиция в «Треисподнюю не совалась, облав никогда не было. Оттого это место и было выбрано давно еще Николаем Ишутиным и соратником его, печально известным Каракозовым, как место встречи их тайного революционного общества «Ад».

Собрания «Ада» происходили и здесь, и в самом трактире «Крым», а также в любимой московским студенчеством библиотеке-читальне Анатолия Черенина на Рождественке. И длилось бы это долго, весьма долго – уж что-что, а красиво поговорить под белое хлебное вино любят всякие студенты. И в этом смысле члены «Ада», с гордостью именовавшие себя «мортусами» («смертниками»), ни чем не отличались от прочих. Неизвестно, как долго длилась бы их деятельность, но четвертого апреля одна тысяча восемьсот шестьдесят шестого года Каракозов был схвачен в Петербурге после покушения на царя: он пытался разрядить в самодержца револьвер, но во время стрельбы его руку оттолкнул случайно оказавшийся поблизости мастеровой с говорящей фамилией Комиссаров.

Последовал громкий процесс; большинство членов «Ада» угодило на каторгу или в крепость, а сам кружок заглох.

Страсти вокруг трактира «Крым» улеглись, а место Ишутина в кругу тогдашних радикальных революционеров занял новый вожак Сергей Нечаев, еще больше подверженный уголовщине. Название же по наследству досталось дому Чебышевых, где снимал квартиру студент Ишутин. В той же комнате потом уже, в конце шестидесятых, собирались студенты-нечаевцы; это и было наследием «Ада», известным всей Москве.

Бог знает какими путями добился Владимир Лопаткин того, чтобы поселиться именно в той комнате, где, по всеобщему убеждению обитателей «Ада», обитал когда-то сам Ишутин. Говорили, что и Нечаев тоже бывал в этой комнатенке, и даже планировал тут с остальными членами «Народной расправы» показательную казнь отступника, студента Иванова – ту самую, что толкнула потом Достоевского к написанию «Бесов».

Но так или иначе, сейчас дверь в «нехорошую» комнату была плотно прикрыта, и мало того – крепко заперта изнутри, что, безусловно, являлось вопиющим нарушением всех писаных и неписаных правил жизни этой вольной студенческой коммуны…

– Ну хорошо, дело вы сделали. Но и засветиться ухитрились! Я же предупреждал – если что, уходите сразу, и желательно без пальбы! А вы? Мало того что копа завалили, так еще и извозчика! Видали, какой вой в газетах? Теперь они скоро не уймутся…

Геннадий был очень недоволен. Нет, не так: ОЧЕНЬ недоволен. Тщательно разработанные планы летели псу под хвост. Ну, может, не совсем псу и не совсем летели – в конце концов, крупная, огромная даже, по меркам двадцать первого века, партия наркотиков, да еще и весьма высокой степени очистки, была успешно взята. И не только взята – еще и переправлена через подземный портал, и на нее, если верить Дрону, имеется уже покупатель…

А значит – при всей своей безбашенности, Дрон все же справляется с делом. Плохо только, что слишком уж ему понравилось стрелять…

– Вот скажи, – продолжал «дожимать» провинившегося соратника Геннадий, – на фига же вам понадобилось городового валить? Неужели нельзя его… того… поделикатнее?

– Да сам не понимаю, вышло так, – уныло выдавил Дрон. – Эта падла как заскочил в дверь, так сразу за шашку! Ну я и подумал, что перцовая вонючка такого берсерка не остановит, – вот и пришлось валить по-взрослому…

Дрон уже притомился слушать нотации, но сдерживался, поскольку понимал – да, накосячил. Тем более что Геннадию он сейчас врал – никакой шашки пожилой полицейский и не думал вытаскивать – он даже в свисток засвистеть не успел. И как раз вот на такой случай были припасены и электрошокер, и другой, вполне надежный инструмент – пейнтбольный маркер, сделанный в виде обычного пистолета, но заряженный особыми, «перцовыми» шарами. Такое «нелетальное»

средство не так давно вошло в моду у западных правоохранителей и очень неплохо себя показало.

Так нет же! Запаниковав, он забыл обо всем этом тщательно подготовленном арсенале и потащил из-за пазухи ТТ с навернутым глушителем. И прежде чем кто-нибудь успел понять, что происходит, продукт китайского оружейного контрафакта дважды дернулся в руке Дрона, отправляя городового на заслуженный вечный отдых. Ну а извозчик… с ним тоже пришлось не церемониться: одно дело мелкое, в общем-то, ограбление, и совсем другое – убийство стража порядка. Можно было не сомневаться, полиции его даже и искать не придется – сам побежит закладывать, как услышит, что в аптечном складе порешили городового. И страх не остановит: народ здесь… если не законопослушный, то уж точно богобоязненный, и такой грех таскать на душе не всякий хитровский уркаган захочет. А уж тем более – обычный извозчик.

– Короче – прости, вышло так, – в который раз уже сказал Дрон. – Не хотели. Постараемся больше без косяков.

– Да уж, пожалуйста… – ворчливо ответил Геннадий, и Дрон мысленно выдохнул – все, больше пилить не будет. Простил. – Что там у нас по подземной базе?

– Да по ней все ваще в шоколаде! – отозвался обрадованный переменой темы Дрон. – Витька, как обещал, навтыкал повсюду камер – и во дворах, и в подвалах, и в тоннеле. Раз в день снимаем данные, ночью смотрим – голяк, никого и

ничего. Можем расслабиться.

– А вот расслабляться не надо, – сказал вожак. – С камерами молодцы, но прекращать наблюдение нельзя. Пока попрежнему – не больше трех проходов в день, по два человека за раз, и не меньше шести часов – интервал. Усвоили?

Виктор с Дроном кивнули. Меры предосторожности вырабатывали вместе; после предательства Вероники и разрыва с группой Семенова-Корфа решено было прекратить пользоваться порталом на Гороховской. Сейчас Виктор разрабатывал операцию по установке там видеокамер слежения; что же касается той самой улицы, но уже в двадцать первом веке, то там дела обстояли похуже. Непонятно как, но «противникам» – Геннадий и остальные иначе уже не воспринимали недавних своих друзей – удалось добиться того, что камеры на улице Казакова в районе интересующего их дома отключили. Оставалось гадать, решилось дело взяткой или у кого-то из «конкурентов» нашлись нужные связи. Пока приходилось смириться с неизбежным – электронной слежки через наружные видеокамеры на стороне двадцать первого века не будет. Оставался вариант камер в прошлом. Тут нельзя было дать и малейшей осечки, так что Виктор не торопился: не готово – значит, надо работать. Геннадий и не подгонял, полагаясь на опыт соратника.

– Так, теперь по нашему новому другу, – продолжал вожак Бригады. – Как он себя показал? Твое мнение, Вить?

Дрон хотел было возразить – в конце концов, операцией

руководил он! – но смолчал.

– Показушник. – поморщился Виктор. – Даже по местным понятиям – театрален до невозможности. Хотя черт их разберет, местные понятия… они тут все, похоже, помешаны на пафосе и внешних эффектах.

Собеседники закивали. Эту особенность своих новых знакомых отмечали уже все; особенно ярко проявлялась она у Володи Лопаткина, того самого студента, в чьей комнате они сейчас и беседовали. Сам хозяин жилплощади отсутствовал, так что говорить можно было вполне открыто.

– Ну вот, – продолжал меж тем Виктор. – Как Дрон городового вальнул, я хотел труп подальше оттащить, чтобы нашли не сразу. Так этот ваш Жоржик, не поверите – сначала хотел на трупе червового туза оставить, в качестве знака, а когда Дрон не позволил – целую речь закатил. Куда там Ленину в октябре!

– Точно, – подтвердил Дрон. – Думаю, заранее готовился. Я бы так сходу не смог…

«Да ты бы и подготовившись не смог, – усмехнулся про себя Геннадий. – Твоя сила, милый Дроша, не в словах, и не в мозгах даже». Хотя это он, пожалуй, зря – несмотря на некоторую горячность, с порученными делами старый школьный товарищ справляется весьма толково.

Вслух же он ответил:

– Ну ладно, что есть, то есть. Время у них здесь такое – без пафоса никак. Значит, по Крынникову все?

Виктор замялся, и на этот раз ответил Дрон:

– Да нет, не вполне. Понимаешь, Ген… не понравился он мне. Пафос пафосом, а на самом деле я вот его слушаю… и все не могу отделаться от мысли, что он нас держит за лохов. В чем дело – не скажу; но по тому, как смотрит, как говорит… либо с недоумками разговаривают, либо с детьми.

– Согласен, – кивнул Виктор. – Есть такой файл. В смысле – мне тоже так показалось.

– И потом, – продолжал Дрон, – он помнишь что нам впаривал? Что-де ключи от сейфа точно у сторожа. А на деле – не было у него ключей! Я его сам обшмонал – не было, полюбасу. И пришлось нам этот сундук пилить; вот шум и подняли. А он вообще предлагал рвануть! Не поверишь – у него с собой динамит был и даже бикфордов шнур! Каков сюрпризец? Значит, подготовился, гад! Возникает вопрос – зачем?

– Резонно… – ответил Геннадий. – Запишем в загадки. Однако факт есть факт – хвоста за нами нет, этой конурой никто пока не интересуется. Значит, не сдал…

– Все равно, – упрямо продолжил Дрон. – Не верю я этому Жоржику. Вот увидите, от него точно какая-нибудь подстава будет…

– Ты, Дрон, просто завидуешь, – лениво заметил Виктор, отрываясь от экрана. И когда это он успел вытащить планшет и погрузиться в очередное мелькание символов? – Жорж у нас такой красавчег…

Когда Геннадий договаривался с Жоржем о том, как они будут поддерживать связь, тот объявил, что отзываться будет теперь только на псевдоним «Красавчик». Дрон, услышав это, прыснул – в их времени подобное могло быть истолковано только одним-единственным способом. Жорж, как ни странно, понял – скривился, слегка покраснел и, похоже, с этого момента зачислил насмешника в список недругов.

– Да пошел он! – немедленно взъярился Дрон. – Было бы чему завидовать… урод, чмо аптекарское! Да я его…

– Успеешь, – осадил соратника вождь. – Мне он и самому не особенно нравится… но на данный момент – юноша полезный. Ты им займись, Витя, ну, понимаешь… думаю, труда это тебе не составит.

Виктор кивнул. Проверить нового соратника и в самом деле ничего не стоило – местная непуганая публика понятия не имела не то что о микрофоне в булавочной головке, но вообще о возможности электронной слежки.

Тем более что прояснить кое-что насчет Красавчика и правда стоило – бывший студент пошел на контакт с «бригадовцами» легко и пришелся им весьма кстати – оказалось, что Жорж недавно служил провизором на крупном аптекарском складе и не только хорошо знал условия хранения дорогих лекарств, к которым, безусловно, относился и кокаин, но еще и поддерживал интимную связь с барышней, служившей при складе кассиршей; она-то и сообщила Красавчику о том, что хозяин на днях получил крупную партию кокаина и

морфия наивысшей очистки. Правда, приобрести их законным путем, как поначалу планировал Геннадий, не удалось – вещества брались под конкретные заказы и в свободную продажу не шли. Пришлось отказаться от прежних планов и соглашаться на милый сердцу Дрона вооруженный налет. Насторожило тогда Геннадия то, что Крынников охотно согласился именно на такой вариант…

– Так, Дрон, ты занимаешься стволами и дурью – как договорились. Ты, Олежек, пасешь Лопаткина…

Третий член Бригады Прямого Действия, студент-философ Олег, до сих пор не принимавший участия в беседе, кивнул.

– Кстати, Витя, звонил предкам Олега? Как он там?

– Да ничего вроде… – отозвался Виктор. – По-прежнему верят в поход на Алтай. Но неделя-другая – и это больше не будет прокатывать.

После нелепой гибели приятеля Олега – Валентина – молодому человеку пришлось скрыться в прошлом: мама погибшего Вали все не оставляла надежды разыскать сына и осаждала Олега расспросами, впрямую уже заговаривая о полиции. Пришлось выдумать турпоездку в горный Алтай, где, разумеется, не действовала мобильная связь. В результате Олег уже три недели делил комнату с Лопаткиным, стремительно мимикрируя под обитателя «Ада». Парень оброс, от него уже попахивало – душа и прочих излишеств в «Аду» отродясь не имелось, а уговорить Олега на посещение об-

щественных бань можно было разве что под дулом револьвера. Пока Геннадий терпел – в конце концов, у населявших «Ад» и «Чебыши» студиозусов были достаточно своеобразные представления о гигиене, и на их фоне Олег еще не слишком выделялся.

– Ладно, вот тогда и решим. А сейчас – вопросы есть? – Геннадий обвел соратников взглядом. Все молчали – всякий, как и полагается, знал свой маневр. – Ну что ж, тогда ближайшие две недели каждый занимается своим делом. Старший – Виктор.

– Все-таки решил ехать? – уныло спросил Дрон. Перспектива отлучки Геннадия его не радовала – в его присутствии штатный боец Бригады Прямого Действия чувствовал себя куда уверенней.

– А что делать, Дрога? – снисходительно усмехнулся вождь. – Нельзя упускать такого случая. Сам подумай – какие люди!

– Да… – согласился Виктор. – Это нам повезло. Кто бы мог подумать – сам Бронислав Пилсудский! А еще…

– …Братец Саша, – закончил за него Геннадий. – Спасибо пану Радзиевичу и его питерским знакомым.

Студент университета Янис Радзиевич, с которым (как, впрочем и с испытанным уже в деле Жоржем «красавчиком») «бригадовцев» познакомил все тот же Володя Лопаткин, оказался человеком на редкость осведомленным. Уже во время студенческой вечеринки, куда, к слову сказать, он

же их и пригласил, Геннадий с Виктором разговорились с поляком. К концу мероприятия они уже вполне понимали друг друга: Радзиевич отпускал прозрачные намеки, Геннадий тонко улыбался и отмалчивался. Но и за намеками, и за молчанием этим стояло что-то такое, что оба они смогли учуять друг в друге. На следующий день Геннадий встретился с Янисом в Александровском саду; о чем они там беседовали, он рассказывать соратникам не стал и лишь объявил, что срочно уезжает вместе с паном Радзиевичем в СанктПетербург, приказав Виктору сделать комплект документов на другое имя.

Больше недели Геннадий, подобно театральному интригану, держал друзей в напряжении, и вот вчера назвал наконец две фамилии. И если первая, «Пилсудский», лишь повергла соратников Геннадия в недоумение, то вторая, в сочетании с именем «Александр», произвела эффект разорвавшейся бомбы. Перед «бригадовцами» сразу же замаячили прожекторы Дворцовой площади, выстрел «Авроры» и известный по бесчисленным фильмам негромкий картавый выговор…

* * *

– И что, их будет семнадцать? – потерянно спросил Николка. – И все – офицеры?

– Вообще-то нет, – уточнил барон. – Офицеров – только

дюжина. Остальные – унтеры, из той группы, что полковник обучает особо.

– Да как же мы с ними справимся, Евгений Петрович? Дюжина офицеров и пятеро унтеров, наверное, самые лучшие в батальоне, так? – Яша недоуменно поскреб в затылке. – Ну я еще понимаю, вы… Роман вот… Ваня тоже, наверное, умеет кое-что. Но я-то вообще стрелял раза три в жизни!

– Не беда, – я беззаботно махнул рукой. – Они, считай, тоже ничего не умеют. Чему их учили? Строем ходить, «коротким коли»… и все! Нет, их, конечно, сейчас этот самый Нессельроде, наверное, натаскивает… но много они с двустволками навоюют?

– Согласен, – кивнул Ромка и демонстративно клацнул «помпой». – Да и вряд ли Нессельроде их чему-нибудь успеет научить. Ну, видел он пару раз тренировки этих зуавов – так и что с того? Те и сами-то тогда все, наверное, на ходу придумывали…

– Так мы и этого не умеем! – в отчаянии крикнул Николка. – Вы вообще в своем уме? Кто мы, а кто они? Там же, наверное, половина офицеров еще с турками воевали…

– Пятеро, – уточнил Корф. – Это считая самого Фефелова. Нессельроде, как я понимаю, всю войну в конвое государя проболтался… как и я, – добавил он после некоторой заминки. – А Фефелов и еще один там, капитан – те да, они и Шипку прошли.

– Вот видите! – развел руками гимназист. – Они же нас

одной левой…

– Ты, Никол, не кипятись, – отозвался я. – Ну сольем, так и что с того? Пули-то не свинцовые, невелика беда. Получим по паре синяков – так это и не смертельно. И стыда тут никакого нет – они, собственно, другого от нас и не ждут. Только вот незадача: мы им не сольем. Вот увидишь.

– Да с какой стати?! – в голос завопил мальчик; ему с полусекундной заминкой вторил Яша. – Вы что, втроем с семнадцатью справитесь?

– Ну, втроем, предположим, не справимся, – согласился я. – Но нас-то…

– Ага! «А скажут – нас было четверо»! – Николка ехидно процитировал «Трех мушкетеров».

– Кстати, не припомните, молодой человек, чем там дело закончилось? – осведомился барон. – Рано вы себя списываете. Во-первых, у нас еще целых четыре дня, и мы можем потренироваться…

– А они что, будут на месте сидеть, что ли? – влез Яша. – Наверняка их сейчас тоже гоняют в хвост и в гриву!

– Это уж будьте благонадежны, – кивнул Корф. – Зная моего друга полковника – нисколько не сомневаюсь. Но тут одна тонкость. Сержант, сколько у нас шаров?

– Две коробки по две тысячи штук, – тут уже ответил Ромка. – Если надо – еще сгоняю, в доме семь коробок лежит.

– Вот видите? – повернулся к мальчикам барон. – А у Нессельроде на каждое ружье хорошо если по сотне загото-

вок для красящих шаров. И на подготовку они смогут истратить самое большее половину; причем большая часть уйдет на то, чтобы научить господ офицеров и унтеров хотя бы обращаться с этим оружием. Тогда как у нас – свободно по паре тысяч выстрелов на ствол, и никакой возни с освоением техники.

– Так уж и никакой? – Яков с сомнением покосился на дробовик в моих руках. – Вон он какой… хитрый.

Я удивился. Ну что, скажите на милость, может быть такого хитрого в самом обычном «шортгане»?

– Вот, смотри, как надо…

Я в несколько движений раздвинул приклад, потом быстро набил шарами трубчатый подствольный магазин, лязгнул затвором и в несколько секунд расстрелял все шары по мишени – валявшейся в двух десятках шагов от них большой корзине. После каждого удара корзина отлетала на шаг-другой; Яков, видя такое дело, посетовал, что бьют эти шарики с краской, наверное, весьма чувствительно…

Выпустив последний заряд, я вновь набил магазин шарами и протянул маркер Яше:

– Ну-ка, попробуй!

Он неуверенно взял ружье в руки и попытался передернуть помпу; не вышло. Механизм оказался неожиданно тугим.

– Резче надо! Ты что, совсем без сил, что ли? Вот, погляди! – Ромка, отобрав у Яши маркер, еще раз демонстративно

лязгнул «помпой» и пальнул в многострадальную корзину. – На, попробуй…

На этот раз получилось; Яша повеселел и тоже выпалил в корзину. К его удивлению, от мишени полетели брызги краски – попал!

Пока Яша входил во вкус, расстреливая один магазин за другим (всего в трубке под стволом помещось два десятка шариков с краской), Роман сходил к экипажу и принес еще один сверток.

– Вот, смотрите! – на свет появились два необычной формы пистолета. – Семь шаров в магазине, питание – баллончик с газом в ручке. Пользоваться – проще простого…

Солнце уже клонилось к закату, а на поляне все раздавались хлопки – то редкие, одиночные, то заполошноторопливые, чуть ли не сливающиеся в очередь. Несчастная корзина давно покрылась причудливым слоем разноцветных – зеленых, красных, желтых – пятен. Порой двое стрелков, стоя в разных углах поляны, ухитрялись выстрелами перекатывать многострадальную тару от одного к другому.

Мы с Ромкой разошлись не на шутку: оба по очереди демонстрировали то стрельбу с перекатом, то в кувырке вперед, то упражнялись из пистолетной пальбы сразу с двух рук. Я предложил даже принести маски и сей же час попробовать сыграть двое на трое; но Корф решительно пресек эту затею.

– Еще успеем, друзья. Сегодня наши рекруты, – и барон кивнул на вошедших уже во вкус пострелушек Николку и

Яшу, – только осваивают основные приемы с оружием. А вот завтра, с утра…

– Не получится, – вздохнул Николка. – Завтра мне в гимназию. Да и тебе, Вань, тоже ведь учиться надо?

– Перебьюсь, – я беззаботно махнул рукой. – Вон, дяде Макару позвоню – он мне справку напишет, про какое-нибудь ОЭрВи. Как-нибудь переживет без меня школа два дня, а там и выходные. Вы ведь, кажется, учитесь по субботам?

Расстроенный Николка кивнул.

– Ну ладно, не беда, – утешил его барон. – Ты тогда сразу после занятий – хватай извозчика и дуй сюда. Порфирьич тебя покормит – он всегда с собой вдоволь снеди берет на десятерых, – потом переоденешься – и в бой. Пойдет?

– Пойдет, конечно, – согласился враз повеселевший гимназист. А можно спросить, Евгений Петрович?

– Что за церемонии? – удивился барон. – Спрашивай, какие разговоры…

– А где вы эти ружья и пистолеты раздобыли, да еще и так быстро? – помявшись, задал вопрос Николка. – Они же из будущего, так? И, наверное, дорогие…

– А это, брат ты мой, и вовсе просто, – хохотнул барон. – Даже обращаться к нашему уважаемому доктору не пришлось. Ну и к твоему отцу, Иван, тоже. Мы с Романом позвонили господам реконструкторам и предложили им… как это у вас называется, сержант?

– Бартер, – ответил Ромка. – Господин барон пообещал

реконструкторам два десятка старых капсюльных ружей времен еще крымской войны, с полным фаршем – в обмен на маркеры, какие нам были нужны. Ну и весь остальной обвес – налокотники там, маски, шары, камуфляж. Гранаты пейнтбольные, кстати, тоже есть. Они как услышали – чуть не подавились от жадности. Еще бы: у кого из реконструкторов такое сокровище сыщешь?

– А где вы их сами взяли? – недоуменно спросил я. – Сколько уж лет прошло… те гладкостволы уже лет двадцать как с вооружения сняли!

– Тридцать, – уточнил барон. – Сняли – да не выкинули; в арсеналах по сей день и кремневые фузеи пылятся. Я специально отобрал не абы какие, а те, что черной краской крашеные.

– Черной? Это еще зачем? – удивился я. – Ни разу не слышал, чтобы ружья красили в черный цвет. То есть у вас, конечно. В наше-то время это дело обычное. Правда, не красят, а оксидируют…

– Обычное – потому что в Крыму-то это и придумали, – назидательно сказал Корф. – У англичан были особые стрелки вроде ваших снайперов, с винтовками Минье; такие били шагов на тысячу, не меньше. И взяли, мерзавцы эдакие, манеру – наших застрельщиков по кустам выбивать. А стреляли, паскудники, на блеск ружей! Вот и стали солдатики ружья черной краской красить – чтобы не блестели…

– А зачем эту рухлядь до сих пор хранят? – я и в самом

деле не понимал. – Это ж не музей, а армейский арсенал, там полно современных винтовок…

– Есть; только ведь не пропадать же добру! Кому надо – заходи, покупай, почти что по цене лома. Старые гладкоствольные курковые ружья у казны охотно берут сибиряки-охотники. Да и не только они: вот недавно один купец в Москве и в Туле закупил аж полтыщи старых мушкетов – для торговли с пуштунскими племенами, в Туркестане. А чем плохо? Им такое старье – в самый раз; пули сами льют, порох, кремни тоже под рукой. А патроны к современным винтовкам – где их взять в такой глуши?

Короче – двух дней не прошло, как доставили нам господа реконструкторы все, что мы заказывали. Так что завтра с утра и приступим. Будет Роман делать из нас… как вы говорили, сержант?

– Разведывательно-диверсионную группу, – ответил Ромка. – Три автоматчика… стрелка то есть. С помповухами. В смысле – двое с помповухами, а у меня снайперка. Она, конечно, не настоящая снайперка, но метров на семьдесят лупит довольно точно. С оптикой – так просто загляденье. А если учесть, что эти двустволки шагов на тридцать дай бог в стену сарая попадают…

– А что ж электронные маркеры не взяли? – поинтересовался я. – Нет, конечно, в пейнтболе я не очень, но знаю: там сейчас любые модели есть – и под эмки штатовские, и под «калаши». В пять стволов очередями мы бы их…

– Нет, Иван, это, как у вас говорят… неспортивно, – покачал головой Корф. – Видишь ли, вот эти, как вы их называете, «помповые ружья», по сути, в плане скорострельности не особо-то отличаются от винтовок Генри. Ну и пистолеты – считай, те же револьверы, только патронов на один больше. Гранаты опять же еще в турецкую были – не совсем, правда, гранаты, так, динамитные бомбочки. Но ведь были же! А двустволки-краскострелы, что капитан Нессельроде привез, по скорострельности почти как берданки. Вот мы с Романом и решили – подбирать оружие так, чтобы оно более-менее соответствовало тому, что сейчас есть в реальности. Не обязательно чтобы было на вооружении, тем более в России – просто существует. Ну, или может быть быстро изготовлено. Я же не просто победить хочу – мне нужно убедить господ офицеров, какая это полезная штука – такая вот военная игра с краскострелами. Ну а заодно и продемонстрировать кое-какие новинки тактического плана. А значит – надо, чтобы все было по-честному.

– Ну а мы с Николом как? – нетерпеливо спросил Яша. От прежней его нерешительности не осталось и следа; похоже было, что, расстреляв пару сотен шариков с краской, Яша избавился заодно и от неуверенности в себе. – Вы-то стрелки, это понятно. А мы кем будем?

– А для вас, – ухмыльнулся Роман, – у меня есть особая задача…

Глава 6

– Что ж, юноша, предсказываю вам, что вы далеко пойдете! – добродушно прогудел Гиляровский.

Яша смущенно потупился. Похвала была ему особо приятна; Владимир Алексеевич был известен всей Москве как самый осведомленный в делах городского дна репортер. Газеты с его статьями на криминальные темы зачитывали до дыр; ему верили. Фамилия репортера была хорошо известна и пользовалась немалым уважением и в хитровских шланбоях, и в кабинетах сыскной полиции города. И если уж такой человек говорит, что Яша добьется успеха в выбранном деле…

Юноша посетил репортера на его новой квартире; Владимир Алексеевич совсем недавно переехал в Столешников переулок, где снимал квартиру в доме Титова. Гиляровский принял гостя радушно; к удивлению Якова, журналист вовсе не забыл о нем и буквально с порога принялся расспрашивать о Корфе, Никонове и о собственных, Яши планах на будущее. И четверти часа не прошло, как он выложил все, – и о своих планах на сыщицкую карьеру, и о Семенове с Корфом, благодаря которым он так далеко продвинулся к исполнению своей мечты.

В самый последний момент Яша все же спохватился: еще чуть-чуть, и он, пожалуй, проговорился бы о портале; во вся-

ком случае, ляпнул нечто такое, что непременно насторожило бы внимательного, ни слова не упускающего собеседника.

Так, судя по всему, и случилось; чем дольше продолжалась беседа, тем настойчивее Гиляровский возвращался к одной и той же теме – что, собственно, понадобилось Якову на Хитровке? Зачем он сунулся, рискуя жизнью, в это клопиное гнездо – и чем он настолько не угодил загадочному «немцу», проживавшему в съемном «нумере» над «Сибирью», что Яшу пришлось вызволять оттуда с револьверной пальбой и кровью?

Однако в любой беседе обыкновенно участвуют две стороны – и сам Яша не был уж совершеннейшим желторотиком. Во всяком случае, тем, кто подумал бы так, предстояло в скором времени убедиться в своей неправоте. Вот и теперь, вырвавшись в какой-то момент из тенет добродушного очарования, которые распространял вокруг себя репортер, Яков, в свою очередь, сумел кое-что разузнать у собеседника. И Владимир Алексеевич сильно удивился бы, если бы кто-нибудь поведал ему, сколько всего полезного вынес из разговора с ним этот скромный еврейский юноша с необычными для представителей его народа амбициями.

Тем более что Яша и вправду понравился Гиляровскому. В определенном смысле он увидел в нем себя самого – в самом начале бурной карьеры. Правда, Якову сильнее повезло: у него с первых шагов нашлись серьезные покровители. С их помощью молодой человек и правда мог далеко пойти

– тут репортер нисколько не покривил душой. Его удивили трезвость суждений и здравый смысл, продемонстрированные юным собеседником; а более всего – уверенность Якова в себе. А потому он вольно или невольно – скорее уж невольно, поскольку отнюдь не сразу дал себе отчет в происходящем, – старался произвести на Якова благоприятное впечатление.

В итоге беседа мэтра криминальной журналистики Москвы с восторженным неофитом превратилась в своего рода обмен опытом; в какой-то момент Гиляровский повел Якова из гостиной, в которой они беседовали, в свой кабинет. Молодой человек последовал за хозяином дома с некоторым трепетом; все же и репутация репортера, и его огромная, налитая богатырской силой фигура внушали юноше почтение. Яков был, конечно, осведомлен о перипетиях жизни журналиста: и о подвигах на турецкой войне, и о бурлацкой лямке, которую ему пришлось тянуть на Волге, и об изгнании из военного училища, и, конечно, о цирковой карьере.

В кабинете Гиляровский усадил Якова в высокое кресло с готической спинкой – такие же точно стояли в клубе у Корфа – и принялся демонстрировать свои последние находки. Их было три: первым экспонатом стал странный «искусственный» зуб, извлеченный изо рта молодого человека, застреленного на Хитровке в тот же самый день, когда случилось пленение Яши; на втором месте оказался и вовсе удивительный предмет. Узкий, белый то ли хомутик, то ли ремешок из

неизвестного, но весьма прочного материала. По словам репортера, этим ремешком были стянуты руки сторожа ограбленного аптечного склада – того самого, где был убит городовой.

Подозрительный ремешок был снабжен чрезвычайно простым, но надежным запором; полицейский чин, освобождавший сторожа склада, так и не сумел его расстегнуть и принужден был воспользоваться ножом. После испорченный ремешок был отброшен в сторону; репортер же, присутствовавший на месте с первого момента – он прибыл к аптечному складу одновременно с полицейским нарядом, – выждав момент, подобрал эту важную улику. Впрочем, этим он не ограничился; осмотрев, уже после ухода сыщиков, помещение склада, Гиляровский отыскал еще два предмета, несомненно имеющих отношение к случившемуся.

Это были гильзы – два латунных цилиндрика, остро воняющие сгоревшим порохом. Причем, как отметил Владимир Алексеевич, порох был не привычный, черный, а более всего напоминал по запаху французскую нитроклетчатку, только-только принятую в патронах новой пехотной винтовки Лебеля. Да и сами гильзы оказались весьма необычны. Мало того что они были нетипичной для револьверных патронов формы – бутылочкой, – так еще и маркировку имели ни на что не похожую… На донце были: цифра «10», две крошечные пятиконечные звездочки и еще какой-то непонятный значок в виде двух треугольничков. Капсюль обе-

их гильз был наколот точно посредине; как сказал Гиляровский, револьвер злодея был «центрального боя».

Яков с жадностью слушал эту импровизированную лекцию: его собственные познания в части огнестрельного оружия были весьма скромны. Но, в отличие от Владимира Алексеевича, для Яши все эти диковинки не представляли никакой загадки; он прекрасно понимал, что предметы, вызвавшие удивление журналиста, происходят из будущего и, видимо, доставлены сюда кем-то из соратников Геннадия Войтюка. Получалось, что Гиляровский ходил у самой-самой черты, переступив которую он, пожалуй, мог и разузнать что-то, чего ему знать ну никак не следовало.

Яша вдруг почувствовал себя неуютно – следовало как можно быстрее добраться до барона и рассказать ему о неожиданной опасности. Да, а еще сегодняшние стрельбы в Фанагорийских казармах… надо же, как некстати!

– Какие такие стрельбы, молодой человек? Господин барон затевает военные маневры или соревнования по стрельбе?

Яша прикусил язык, но было уже поздно. Видимо, он был настолько выбит из колеи, что произнес последнюю фразу вслух. Увы, слово – не воробей; раз проговорившись, молчать дальше не было смысла; в конце концов, откажись он говорить о намеченном на сегодня стрелковом пари, репортеру ничего не стоило заехать к барону и попроситься на столь интересное для журналиста мероприятие. Московские газе-

ты охотно публиковали материал о входящих в моду спортивных развлечениях, а уж статейки о жизни офицеров московского гарнизона и вовсе не сходили со страниц. Так что, вздумай Яша отказать, до Фанагорийских казарм Гиляровский все равно доберется – а вот только-только налаживающиеся отношения были бы, пожалуй, испорчены.

Так что не приходится удивляться, что к фехтовальному клубу на Маросейке Яков подъехал в одной пролетке с репортером. По дороге Владимир Алексеевич пытался выспросить у Яши подробности заключенного бароном пари; молодой человек отмалчивался, ругал себя и прикидывал, как он будет оправдываться перед товарищами. До сих пор у Яши не случалось столь явных проколов, и он тяжело переживал свою несостоятельность. Гиляровский же глядел на своего юного собеседника с хитрецой: он, несомненно, о чем-то догадывался, но не спешил торопить события. Репортерское чутье подсказывало, что сегодня он увидит нечто любопытное.

* * *

– Что ж, Юлий Александрович, вы и впрямь проделали огромную работу!

– Вашими молитвами, Олег Иванович, вашими молитвами, – ответил Меллер. – Да вот, прошу – наши первенцы!

Двое мужчин прошлись вдоль ряда выставленных на обо-

зрение велосипедов. Их было восемь; необычный – для девятнадцатого века, конечно – внешний вид, элегантный изгиб рамы, яркая окраска… и надпись «Дуксъ» на верхней трубе рамы. Оставалось только дивиться, как точно в этом своем витке повторилась история – только на семь лет раньше срока.

Юлий Александрович Меллер, известный в Москве спортсмен и безусловно, талантливый изобретатель, познакомился с Олегом Ивановичем еще в июне, на велосипедном празднике в Петровском парке. Гость из будущего искал тогда источники дохода, только еще планируя устраиваться в прошлом, – и самым перспективным вариантом показалось ему нарождающееся в России велосипедное дело. Сказано – сделано; познакомившись на упомянутом мероприятии сразу с двумя будущими «воротилами» велосипедной отрасли – Александром Лейтнером, владельцем уже действующей веломастерской в Риге (будущая фабрика «Россия»), и будущим создателем знаменитой фабрики «Дукс», – Семенов решил сделать ставку на Меллера. И, похоже, не ошибся.

Нет, с Лейтнером он тоже наладил сотрудничество – в результате рижская фабрика, еще в августе выпустила первую партию своих «Беговелов» – самокатов новейшей конструкции, оснащенных клещевыми тормозами и амортизаторами передней вилки. «Беговелы» раскупались как горячие пирожки; почти все машины были приобретены богатыми петербургскими спортсмэнами и теперь фабрика Лейтнера бы-

ла обеспечена заказами на год вперед. Рижский предприниматель в срок, как было договорено, перевел на счет Олега Ивановича весьма значительную сумму денег, затребовал новые поставки и слал в Москву письма с намеками на то, что готов оказать содействие в приобретении привилегий на изобретения в области велосипедного дела. Адресат же не торопился отказывать – потчевал рижанина завтраками, развивая, тем временем, в Москве совместное дело с Меллером.

Недавно затея принесла первые плоды – в сентябрьском велопробеге, традиционно устроенном Царскосельским кружком велосипедистов, Меллер возглавил команду московского общества велосипедистов-любителей, члены которых – все трое – выступали на новых машинах фабрики «Дукс».

Победа была полной; несмотря на то что остальные спортсмэны выступали на новейших (и весьма недешевых!) английских и бельгийских машинах, прибыли к финишу на полчаса позже последнего из коллег Меллера. Троица московских гонщиков комфортно, не особенно даже и напрягаясь, преодолела дистанцию и лишь шагов за сто от финишной ленты аккуратно распределились в заранее оговоренном – в этом не усомнился ни один из зрителей – порядке. Еще один совет Семенова, данный им до отбытия в Сирию; на всем пути следования команду сопровождали «технички»: две пролетки, на одной из которых помещались двое лучших мастеров «Дукса» с необходимыми инструментами и запча-

стями, а на второй, в специальных держателях, везли три запасных велосипеда.

Все это произвело гнетущее впечатление на соперников московской команды – у них не осталось ни единого шанса, и они прекрасно поняли это еще до старта пробега, – и невиданный прилив энтузиазма у петербургских поклонников «бициклизма». Меллеру, разумеется, предлагали большие деньги за его агрегаты; когда же присутствующие поняли, что Юлий Александрович и в мыслях не держит продавать именно эти экземпляры, заказы посыпались рекой. Изобретатель отвечал осторожно, боясь излишне обнадеживать будущих клиентов: модели особые, приготовленные только для гонки, и о серийном выпуске говорить пока рано…

Гоночные велосипеды Меллер собирал самолично, чуть ли не вылизывая каждый винтик. Эти «бициклы» можно было назвать продукцией его мастерской лишь условно – к моменту старта гонки на фабрике имелись лишь кузница да несколько трубогибных станков. Единственно, чем могло похвастаться будущее «высокотехнологическое» производство, – это чуть ли не единственное в Москве приспособление для гальванопластики. То есть Меллер мог наносить на узлы велосипедов гальванические покрытия – по желанию заказчика меднить или никелировать их, придавая машинам нарядный вид и, заодно, защищая от коррозии. Олег Иванович хорошо знал, что в его истории именно гальваническая ванна оказалась серьезным козырем «Дукса – так что и здесь

настоял на приобретении точно такого же оборудования.

Спицы для колес будущих чемпионских машин заказывали в Германии, ободы были английского производства. Более сложные узлы – втулки, тормозные приспособления, цепи, шестеренки – Юлий Александрович получил от своего партнера. Он, конечно, понятия не имел, что все эти детали были изготовлены в Китае, в 2014-м году от Рождества Христова; Олег Иванович тщательно следил за тем, чтобы с них была удалена любая маркировка.

Так что Меллер прекрасно понимал, что первые велосипеды его собственного производства будут отличаться от этих машин как небо от земли. Так и вышло – «Дукс-Пикник» (название предложил Семенов) оказался тяжеленной полуторапудовой конструкцией на литых гуттаперчевых шинах (гоночные машины были на пневматиках) и с одной фиксированной передачей. И все же – он неизмеримо превосходил по всем статьям недавно привезенный в Москву английский «бицикл» нового безопасного типа, с колесами одинаковой величины. «Безопасной» новинку назвали за то, что она, в отличие от велосипеда-паука, не превращала любую поездку в головоломный цирковой трюк с отчетливой опасностью свернуть себе шею.

В первом серийном «Дуксе» «привозными» – то есть заказанными через Семенова – были только втулки, особенно задняя, оснащенная ножным тормозом. Все же остальное Меллер заказывал на российских заводах – в Петербурге,

Москве, Туле и Ижевске, отдавая предпочтение оружейным производствам. Олег Иванович всячески поддержал эту инициативу и даже сделал Меллеру неслыханно щедрое предложение – патенты предстояло теперь оформлять не на имя господина Семенова или его заокеанских партнеров, а на только что созданное предприятие.

Это, было посерьезнее трубогибов и гальванической ванны; вместе с заработанной уже репутацией и полусотней клиентов, ожидающих появления дуксовской новинки, патенты позволяли создателю «Дукса» глядеть в будущее с уверенным оптимизмом. Партнер не подвел – Олег Иванович приехал в мастерскую не просто полюбоваться на первые «Дуксы-Пикники», а привез очередную партию втулок, подшипников и, главное – чертежи, необходимые для подачи прошения на предоставление привилегий (проще говоря, патентов).

Но и новинки опробовали, конечно. Поколесив по двору мастерской и выбравшись даже на улицу (окрестные мальчишки, привыкшие уже к виду необычных машин, приветствовали испытателей «Дукса» восторженными воплями), Олег Иванович и Юлий Александрович устроились в конторе при мастерской. Заказали обед из ближайшего трактира; из шкафа появился графин. По всем традициям промышленной и предпринимательской жизни, такое событие – выпуск первой продукции нового предприятия! – следовало отметить громким загулом в лучшем трактире. Одна-

ко же Меллер, немец по происхождению, спортсмэн, изобретатель – был далек от купеческих привычек Москвы. Олег Иванович, понятное дело, настаивать не стал, так что это, без сомнения, грандиозное достижение было отмечено весьма скромно – ужином из средней руки трактира с довольно приличным, чего уж скрывать, коньяком.

С первых «Дуксов» разговор перешел на патенты. Меллер с блеском в глазах развивал перед партнером блестящие перспективы; Семенов лишь улыбался и поддакивал. Да, идея оказалась хороша. И дело было даже не в деньгах: умница Меллер был, по меркам любого попаданческого романа, идеальным инструментом «технологического прогрессорства» – знай подкидывай проверенные идеи и отпускай время от времени намеки насчет толковых людей, – а остальное он уж и сам сделает, только держись…

– Так вот, Олег Иванович! Сейчас, конечно, бициклы очень дороги; но я предвижу, что лет через пять-семь они будут доступны даже и людям со средним достатком. А тогда – улицы наполнятся бициклами; люди будут ездить на прогулки, разносчики и посыльные пересядут на наши машины. А уж о почтальонах и вовсе говорить нечего – уверен, при каждом почтовом отделении будет несколько казенных бициклов, на которых станут развозить срочные телеграммы. Вот только отменят, дайте срок, этот нелепый закон, запрещающий езду на бициклах в городах, – и скоро мы не узнаем ни Москвы, ни Петербурга! Повсюду будут двухколесные

машины…

– А о военных не думали? – поинтересовался Олег Иванович. – Им, вероятно, тоже будет интересно.

– А как же! – с энтузиазмом подхватил Меллер. – Уверен, при военном коменданте в любом крупном городе появится команда бициклистов – для доставки важных депеш. Да и пехотные и артиллерийские офицеры тоже могут…

– Да нет, я не о том, – покачал головой Семенов. – Посыльные – это, конечно, хорошо, но… мелко плаваете, Юлий Александрович! Представьте себе простой, крепкий и недорогой велосипед с широкими шинами, способный выдержать пехотного солдата в полной амуниции. Представили? А теперь – представьте роту, состоящую из таких солдат. По хорошей дороге такую «ездящую пехоту» можно перебрасывать, пожалуй, побыстрее конницы – и никакой возни с фуражом и коноводами. Доехал до позиций, сложил бициклы в безопасном месте – и пожалте в первую линию!

– А что, любопытно… – задумался Меллер. – Эдакие, знаете ли, «механические драгуны»…

– Самокатчики, – поддакнул Семенов. – Вот отличное название – просто и по делу. Самокатчики.

– Да, очень хорошо! – кивнул Меллер. – Самокатчики – это звучит. Одна беда – дороги наши не слишком-то подходят для бициклов даже и в сухое время года. Про осень и весну я уж и не говорю – тут никакая машина не выдержит…

– Так уж и никакая! – покачал головой Семенов. – Дутые

шины облегчают движение даже и по песку и снегу. На таких велосипедах ездить можно не только по дорогам и всякой более или менее твердой поверхности почвы, но и по слегка топкой и покрытой травой.

Меллер задумался.

– Пожалуй, вы правы. На таких машинах можно ездить и в лесах, особенно лиственных, и даже и по песчаному грунту хвойных лесов; по жидкой грязи в несколько вершков, по лужам, мягкой пыли, если под ними твердое основание.

– …И кроме того, под огнем велосипедист куда меньше всадника подвергается опасности, – продолжил за Олега Ивановича Меллер. – Ведь он, очевидно, представляет собой сравнительно меньшую цель. Конечно, велосипеды военным нужны особые – легкие на ходу, прочные, несложные, не слишком тяжеловесные и допустимой стоимости…

Семенов еле заметно улыбнулся. Вот, пожалуйста! Стоило только начать…

– Хотя в чем-то вы правы, Юлий Александрович, – заметил он. – Такие вот «самокатчики» более подходят для войны в Европе. Нам, пожалуй, более пригодились бы машины с каким-то двигателем. Вот, кстати, слышал я недавно об изобретении господина Бенца. Не доводилось? А зря, прелюбопытнейшая, доложу вам, штукенция. Кстати, и у нас в России над таким работают. Справьтесь, если время найдете, – господин Яковлев, бывший флотский офицер. У него интересные наработки имеются, поговорите с ним – глядишь, и

польза какая выйдет…

* * *

Четырнадцать часов – рабочий день в седьмой московской клинической больнице – стремительно катится к финалу. Большая часть врачей уже закончили обходы; процедуры, по большей части, позади, и по отделениям уже заканчивается обед. Просторными грузовыми лифтами собирают с этажей массивные кухонные шкафы-тележки; из холлов, на время превращённых в столовки, неспешно выветриваются запахи безвкусной (а что делать? Диета!) картофельной размазни и жиденького вермишелевого супчика с разваренными волокнами лука и редкими морковными звездочками. До пяти часов, когда в палаты хлынут посетители, еще много времени, так что пока в коридорах отделений сравнительно немноголюдно.

– Ой, Андрей Макарыч, здравствуйте!

Каретников оторвался от бумаг. Перед ним стояла высокая стройная блондинка в салатовой форме медсестры – Ольга.

– Да, спасибо, Семен Владимирович, я загляну в тридцать шестую….

Собеседник его кивнул и направился по коридору, в сторону лифтов. Детское отделение, которым заведовал Каретников, находилось тремя этажами ниже, однако доктор,

накопивший за годы профессиональной карьеры немалый опыт в специфической области, консультировал еще и соответствующие профильные отделения. В третьей хирургии он был частым гостем – особенно с тех пор, как появился там особый пациент, внимание к которому проявлял не только Каретников, но и его давний друг и коллега, заведующий отделением, профессор Скрыдлов. По поводу пациента ходили в отделениях разные слухи: будто бы Каретников самолично привез его, миновав обязательное в обычных случаях приемное отделение. Будто бы это сотрудник некоей спецслужбы – скорее всего, внешней разведки, которого из каких-то темных, но, безусловно, секретных соображений не стали помещать в военно-медицинскую академию, а держат здесь, подальше от посторонних глаз. Да мало ли что наговорят в больнице! Ночные смены медсестер и санитарок долгие, и надо ведь чем-то занимать медленно текущие часы?

Впрочем, верно было одно – с тех пор, как необычный пациент появился в третьей хирургии, Каретников стал бывать в отделении куда чаще. Огнестрельные ранения, хотя и не были здесь явлением обыденным, но особого ажиотажа не вызывали. Еще в лихих 90-х третье специализировалось на жертвах периода первоначального накопления собственности – так что его палаты (изрядно с тех пор изменившиеся) видали и угрюмых братков, которых сторожили скучающие оперативники, и служителей закона, нарвавшихся на «бандитскую пулю», и предпринимателей, которым либо те, ли-

бо другие доходчиво объяснили, что закон – законом, а делиться вообще-то нужно. С тех еще пор сохранилась в третьем отделении привычка к тому, что по поводу иного пациента не стоит задавать лишних вопросов – да и вообще интересоваться, где он получил тот или иной ущерб организму. Дело здешних обитателей лечить – вот они и лечили; а уж под чьим именем попал сюда очередной страдалец и кто распорядился не проявлять излишнего интереса к деталям его биографии…

– Добрый день, Оленька!

Каретников снял круглые старомодные очки и исподлобья взглянул на девушку. Глаза его, как это часто бывает у близоруких, приобрели несколько детское, беспомощное выражение.

– Ну, как там наш герой?

Ольга торопилась, конечно, в палату к лейтенанту Никонову; с тех пор как Каретников привез пробитого двумя пулями лейтенанта в больницу, она вообще почти не покидала стен третьей травмы. Каретникову пришлось даже организовать через больничное начальство письмо в Ольгин институт – по поводу какой-то особой практики, в которой остро нуждается как сама студентка факультета операционных сестер Ольга Глаголева, так, безусловно, и отделение хирургии Седьмой клинической больницы города Москвы. Впрочем, здесь Каретников отыгрался – уход за любимым, конечно, дело святое, но и учебу запускать не следует, так что он по-

обещал девушке самолично заняться ее практикой. И слово свое доктор держал, привлекая Ольгу к проводимым им операциям, а в свободное время поручив комплектовать довольно необычную по составу и, главное, по назначению «аптечку» – обширный набор хирургического и прочего медицинского оборудования и медикаментов, предназначенных для…

Для чего был предназначен этот набор, они не говорили, однако же Ольге все было ясно и без слов. Она уже успела познакомиться с уровнем медицины девятнадцатого века и полностью разделяла предусмотрительность Андрея Макаровича.

Каретников слушал торопливый рассказ девушки о том, что лейтенанту уже третий день устойчиво лучше, что она, Ольга, пока не разрешает ему вставать – но зато с тех пор, как доктор позволил Никонову читать, он не отрывается от книг и экрана ноутбука. Подтверждением тому была целая стопка книг, которыми была нагружена девушка, – глянцевые в твердой обложке альбомы «морской серии» «Арсенал-коллекции», невзрачные, в картонной обложке, древние издания МО СССР, помеченные назад бледно-лиловым штампом «Для служебного пользования», томик «Бойни авианосцев» какого-то современного историка. Пирамиду книг увенчивала коробочка жесткого диска.

Каретников незаметно усмехнулся. Да, лейтенант времени даром не теряет…

– …Ну вот, я ему и говорю: «Серж. Нельзя столько читать, глаза испортишь, и вообще ты еще слаб!» А он отвечает так серьезно: «Милая Оля, мне предстоит настолько много дел, что сейчас потерять лишнюю минуту – это прямое преступление перед престол-отечеством!» Как будто эти книги куда-то денутся! Андрей Макарыч, хоть вы ему скажите, что так нельзя…

Каретников улыбнулся.

– Ну конечно, Ольга Михайловна, скажу. Вот сейчас вместе и поговорим с вашим подопечным. Пойдемте-ка навестим его… да, и давайте я вас немного разгружу, а то, не дай бог, уроните – все отделение переполошите…

Глава 7

День выдался на редкость ясным. С утра, правда, принялся накрапывать дождик, но тучи быстро разошлись, и показалось солнце; к полудню все небо уже стало голубым, заставляя подумать о том, что неровен час, природа решила устроить второе в этом году бабье лето. Однако же таких чудес не бывает; на дворе стоял все-таки уже октябрь, и солнечный, сравнительно теплый, день был наверняка последним в этом году подарком погоды беззаботным москвичам.

Для розыгрыша пари было выбрано воскресенье. Подобные мероприятия редко проводились в замкнутом кругу: участники привели кто своих домашних, кто – знакомых, те тоже не стали скрывать от соседей или приятелей любопытной затеи офицеров Сергиевско-Посадского резервного батальона. Те, разумеется, успели рассказать о необычной затее своим коллегам из других частей московского гарнизона; в курсе оказался также и пристав ближайшей полицейской части.

В итоге на плацу позади Фанагорийских казарм собралось довольно обширное общество – до сотни гостей обоего пола и самых разных возрастов. Преобладали родственники участников; много детей, слуги и кухарки с корзинками для пикника. В толпе зевак то тут, то там мелькали мундиры разных родов оружия.

Фефелов, будучи прекрасно осведомленным о том, сколь падка московская публика даже на такие вот импровизированные зрелища, коль скоро они устраиваются военными, позаботился обо всем заранее. По плацу, с которого заранее были убраны глаголи с чучелами для штыковых упражнений, были расставлены навесы; из батальонных сумм выделили средства на легкие закуски, квас и прочие напитки. В отдалении дымили два десятиведерных самовара; половые из соседнего трактира старались вовсю, а хозяин заведения усердно бегал туда-сюда, следя за тем, чтобы гостям, не озаботившимся провизией для пикника, хватило бы и закусок, и прохладительных напитков.

На ближней к казарме стороне плаца вовсю старался оркестр пожарной части; медная духовая музыка взлетала к небесам вальсами и гавотами. Нижние чины суетились у дальнего края, растягивая тенты от нежаркого октябрьского солнца, – что было, конечно, излишне, но требовалось правилами гостеприимства, – и расставляя стулья для дам, собранные в пожарном порядке со всех Фанагорийских казарм. Для прочих предназначались свежесколоченные из теса скамейки; чтобы гости не нахватали невзначай заноз в чувствительные части тела, скамьи спешно прикрывали парусиной.

– Как бы нам по публике не засадить, – озабоченно сказал барон, рассматривая все эти приготовления. – Вот конфуз-то будет! Вы уж, если придется стрелять в ту сторону, поделикатнее, что ли… Особенно Николка с Яшей – вам проще

всех наломать дров. Вот накроете минами господ зрителей – сраму потом не оберешься…

Остальным было не до барона. Ваня в который раз уже подгонял боевую сбрую – проверял, удобно ли выхватываются из кармашков пейнтбольные, похожие на рубчатые яйца, гранаты, прилаживал поудобнее кобуру с пистолетом и запасные обоймы. Роман помогал минометчикам: пристраивал в подсумках самодельные мины, проверяя терочные запалы – не отсырели? – и то и дело принимался гонять Николку по таблице условных сигналов. Корф терзал связь – то и дело рации участников отзывались треском, шипением и приглушенным «раз-два-три, барон в канале».

Сгоряча Ваня предложил всем выбрать позывные и общаться в канале так, как это и положено. Попробовали – и отказались от затеи; к такой манере разговора надо привыкать и привыкать, а большая часть бойцов из отряда и так-то освоила рации, прямо скажем, не на раз-два…

Николка как раз закончил прилаживать тубусы с запасными шарами и теперь нет-нет, да и оглядывался на публику, собравшуюся возле длинных, стоящих на козлах столов – там капитан Нессельроде устроил импровизированную выставку, демонстрируя гостям невиданную амуницию, предназначенную для предстоящих маневров. Дамы в шляпках, гимназисты, лощеные офицеры рассматривали кожаные маски с выпученными стеклянными глазами-очками, диковинные двустволки-краскострелы, резиновые шарики с си-

ней краской – и охали, удивлялись сдержанно и не очень комментировали. Пару раз хлопнули ружья – стоящий при «экспозиции» усатый унтер демонстрировал гостям работу пневматичек. В толпе глыбой выделялась массивная фигура Гиляровского – вот репортер вскинул ружье к плечу, щелкнул вхолостую и принялся о чем-то расспрашивать унтер-офицера. А рядом с ним – бежевое и светло-салатовое платья на тоненьких фигурках: Маринка и Варенька Русакова. Конечно, Николка не мог не поведать сестре о предстоящих маневрах. Рядом с девочками – юноша в мундире кадета; кузен Вареньки, Сережа Выбегов попросился сопровождать подруг. Ваню познакомили с ним перед самыми маневрами; мальчик он запомнил лишь белый, с начищенными пуговицами мундир и слегка напряженное выражение лица кадета, оказавшегося вдруг в окружении стольких офицеров.

– Я вот думаю, барон, – сказал Николка, – может, мы все же зря взяли этот… миномет? У нашего противника ведь нет такого оружия, нечестно получается. И так мы куда лучше оснащены, одни рации чего стоят!

Ваня даже поперхнулся от возмущения.

– Да какая на хрен… ой, извините, Евгений Петрович… какая там честность? Это не олимпийские игры! Главное – победить! И так вот от электронных маркеров и даже полуавтоматов отказались! Их вон, семнадцать человек, и между прочим, офицеры! Мы просто шансы уравниваем, и все! В конце концов, господин барон на коньяк забился!

Миномет предложил именно Ваня – это оружие пользовалось изрядной популярностью в его страйкбольной команде. Оружие был самодельным – в отличие от остальных стволов, – и всем пятерым две ночи пришлось просидеть в мастерской на Гороховской, меняя сушеный горох начинки страйкбольных мин на краску из пейнтбольных гранат. В итоге боекомплект «минометной батареи» составлял сейчас полсотни с лишним снарядов, и мальчики всерьез рассчитывали расстрелять их все.

Барон усмехнулся, услышав про коньяк:

– Спасибо, конечно, что ты так заботишься о моей победе, – заметил он, – Но ты, Иван, не вполне прав. Видишь ли, дело не в предмете пари и даже не в том, что мне непременно хочется победить. То, что мы сейчас собираемся показать – это вещи совершенно незнакомые нынешним военным. Ни тактика… как ты говорил, Роман? Да, малых групп… ни эти полевые мортиры, ни скорострельное оружие. То есть все это по отдельности им в той или иной форме знакомо, но вот в сочетании… Признаюсь – я возлагаю на эту демонстрацию немалые надежды. Полковник Фефелов – грамотный командир, очень интересующийся всеми полезными новинками военного дела; да и офицеры в его батальоне подходящие, должны оценить. В конце концов, надо же с чего-то начинать? А то получится, не дай бог, как в вашей истории…

Иван кивнул. Он был несколько удивлен той формой, в которой барон решил внедрять здесь достижения будущего, –

но соглашался, что Корфу, в конце концов, виднее.

Николка же сдаваться не собирался:

– Ну ладно, буркнул он… мортира… то есть миномет… пусть. А рации? Ведь вы сами говорили, что у нас такие очень нескоро сделать смогут?

– Ну, во-первых, лиха беда – начало, – возразил Корф. – Тут главное – начать, а там, глядишь, и пойдет. Впрочем, к рациям это как раз не относится, мы их показывать не будем. Просто сам понимаешь – сколько мы готовились? Вон вы с Яшей только два дестяка мин расстрелять успели, разве это подготовка? А со связью – хоть какой-то шанс, что вы их по цели, а не нам на головы положите…

Денщик барона Порфирьич, как раз укладывающий в ранец Якову коробки с минами, хохотнул:

– И-и-и, господин барон! Два дестятка выстрелов – это ж не в кажинном полку столько и за год на орудию выстреливают! Да что там – за год! Эвона, у меня кум в гвардейской конной артиллерии состоял при императоре Александре Освободителе – так они до самой войны с туркой всего-то по две дюжины из своей пушки пальнули – за всю-то службу! Ничего, не оплошают ребятки…

От кучки офицеров, сгрудившихся вокруг Фефелова, к бойцам спешил Филька, вестовой подполковника. Вот он подбежал, вытянулся перед бароном во фрунт, козырнул:

– Так что, вашсокобродь, господин полковник передать велели – у их все готово!

– И у нас готово, – ответил Корф. – Скажи Николаю Николаевичу – можно начинать. Командуйте, сержант!

Ваня хмыкнул, рассматривая эту картину: барон в полном боевом обвесе – сдвинутая на лоб пейнтбольная маска, костюм-«горка», налокотники с наколенниками цвета хаки, сложный обвес на разгрузочной сбруе… дробовик-маркер, привычным уже жестом уложенный на сгиб левой руки. На фоне испуганного этим великолепием вестового в полотняной белой рубахе барон смотрелся пришельцем с Марса, киборгом, универсальным солдатом. А уж что зрители подумают…

От мыслей его отвлек зычный сержантский рык Ромки:

– А ну, попрыгали: у кого брякает? Раз-два-три: *Кто летает ниже крыши?*

– *То спецназ летучей мыши!* – послушно рявкнули остальные во главе с самим Корфом. С дерева недалеко от плац-театра с карканьем снялась стайка ворон; гости, рассаживающиеся уже по местам, с интересом обернулись.

– Пошли-пошли-пошли!

– Дальше пять, влево три!

Бац! Ш-ш-шух! Мина темной каплей улетела куда-то за дощатые щиты, изображающие хаты. Оттуда раздался хлопок и возмущенные крики.

– Лево пять, дальше три!

Николка чиркнул зажигалкой. Голубой острый язычок пламени лизнул трубочку медляка; тот зашипел, разбрасы-

вая искры, и мальчик поспешно сунул мину в трубу.

Бац! Ш-ш-шух!

– Класс, давай три на этой установке!

Работа пошла. Николка споро закидывал в миномет снаряды, которые подавал ему Яша: Чирк – бац! …. Ш-ш-шух! Чирк – бац! … Ш-ш-шух!

Ужасно мешал висящий поперек груди маркер; Николке хотелось снять ремень с шеи и положить громоздкое оружие рядом. Но он задержался – в памяти свежо было позорище позавчерашней тренировки, когда он вот так пристроил рядом с собой оружие, а потом, когда из кустов чертиком из табакерки выскочил Ваня, мальчик вскочил, бестолково заметался и грохнулся, запутавшись ногами в ремне собственного маркера.

– Хорош, ближе семь, три дыма с разбросом по фронту!

Это барон: Яша завозился в снятом ранце и протянул Николке темно-зеленые цилиндрики дымовых мин. Из-за «хат» раздались воинственные крики и перестук выстрелов – судя по всему, неутомимый Нессельроде поднял своих бойцов в атаку. Штабс-капитана ждет неприятный сюрприз – сейчас перед ним распустится ватными облачками дымовая завеса, а барон с Иваном под ее прикрытием сменят позиции и обстреляют атакующие порядки с фланга, – пока Ромка будет выпаливать наугад в клубы дыма шар за шаром, чтобы сбить боевой пыл накатывающей цепи.

– Дальше три, две груши! – зашипела рация.

А это уже Ромка: прикрывая фланговый обход, он решил добавить на затянутую дымом полянку огоньку. А вот узнают господа офицеры, как атаковать цепью: начитались, понимаешь, – «пуля-дура, штык-молодец!» Не те сейчас времена…

– Арта, справа духи!

Николка заученным движением швырнул в сторону предполагаемой угрозы «подпаленную» уже мину и откатился, перещелкивая на ощупь предохранитель маркера. Справа и слева от «позиции» рядком были выложено по десятку мешков с песком – за ними-то и пристроились сейчас Яков с Николкой. Вышибной заряд на мине сработал; она попрыгала по жухлой траве, рассыпая искры, и рванула, разлетевшись облачком красных брызг.

Пах! Пах! Ф-ф-шш!

Над головой прошелестело. Из-за крайней «хаты» выскочили две фигуры в нелепых, до колен, балахонах и кожаных, со стеклянными буркалами, масках. Правая замешкалась, переламывая длинную двустволку, другая же вскинула оружие к плечу.

Бац! Бац!

Шары шлепнули в мешки совсем рядом с Николкой; мальчик однако же не растерялся и без особой суеты, передергивая «помпу», выпустил в сторону атакующих пять шаров. В стороне часто хлопал маркер Яши. Стрелок в балахоне метнулся влево, под защиту стены; второй, завозившийся со своим ружьем, поднял руки вверх и побрел прочь; на балахоне

красовались два сочных красных пятна, одно чуть повыше другого. Кто-то из них двоих ухитрился попасть? А, нет, это не они – размытая фигура ежиком выкатилась из-за «хаты», вскинула пистолет: бац-бац-бац!

Голова второго «балахонщика» до ужаса натурально брызнула красным, а безжалостный «убийца» уже укатился куда-то по своим делам. Николка узнал манеру управляться с пистолетом, которую давно, еще на заре их знакомства, демонстрировал в оружейной лавке Биткова Иван. Совершенно те же движения – с колена, два в грудь, а третий, для верности – в голову…

Рация ожила:

– Арта, целы? Пять груш, по ракете, дальше тридцать!

«Груши» – это осколочные мины; Ромка с первого занятия принялся приучать их к своим, особым военным словечкам. А «арта», огневое отделение – это они с Яшей. Минометный расчет разведывательно-диверсионной группы. Главная ударная сила маленького отряда; задача остальных – нащупать противника, заставить сбиться плотнее, в кучу – а потом вызвать огонь миномета. Вот как сейчас – ракетой Ромка показал направление, а «дальше тридцать» – это дистанция от места пуска до цели. За 10 минут «боя» Яша с Николкой расстреляли уже около трети боекомплекта – почти два десятка «осколочно-фугасных» и пять дымовых мин. И судя по воплям из-за «хат» – не все они улетели впустую…

* * *

– Говорите, дети, барон? Да таких детей надо на вражеские крепости сбрасывать. На страх супостату!

– Откуда, позвольте спросить, сбрасывать, полковник? – заинтересовался Корф. Он точно помнил, что ни о чем подобном воздушно-десантным войскам Фефелову не рассказывал. Может, Ромка на радостях проговорился?

– Да хоть вон с монгольфьеров! Или с воздушного шара господина Менделеева. Он как раз следующим летом какой-то полет представить намерен… за солнцем, вишь, наблюдать. Вот вы и попробуете его к делу приспособить. Или еще что-нибудь придумаете – у вас с этим, я вижу, не заржавеет…

Корф слушал товарища – и знай похохатывал. Понять досаду подполковника было можно – маневры, происходившие перед полутора сотнями зрителей, среди которых – о позор! – были и офицеры других полков московского гарнизона, закончились полнейшим разгромом. И каким!

Единственным «убитым» со стороны гостей оказался сам Корф – уже под самый конец стычки его снял Нессельроде, оставшийся к тому моменту в гордом одиночестве. Снял, надо признать, красиво – дуплетом, прямо в грудь, причем буквально на глазах публики. Барон, правда, оправдывался потом, что решил, что представление закончено, и вышел, соб-

ственно, для того, чтобы поприветствовать зрителей. Это, однако, действия не возымело – перед началом потешного боя участники договорились, что в знак окончания действа будет дан выстрел из пушки – легкой медной салютационной мортирки, которая нашлась в хозяйстве Троицко-Сергиевского резервного батальона. И раз уж барон не стал дожидаться сигнала – все, стало быть, сам виноват, «убит».

Рассчитался за Корфа Ромка. Когда после удачного выстрела капитан переломил свою двустволку и принялся запихивать в нее картонные гильзы с красящими латексными мешочками (которыми и стреляли эти прародители пейнтбольных маркеров), на сцене появился бравый десантник. Вообще-то бойцы команды Корфа не особенно радовали зрителей своим видом – в отличие от членов команды Фефелова, они все больше прятались, обозначая свое присутствие частым перестуком выстрелов и клубами дыма. Но тут действо было выставлено напоказ, в каком-то десятке шагов от зрителей.

Наспех зарядив свой карамультук, Нессельроде вскинул было его к плечу; зрители разом вздохнули, ожидая очередного успеха ловкого штабс-капитана, но – не тут-то было. Ромка, отбросив в сторону маркер, перекатом ушел от выстрела и оказался вдруг перед самым офицером; в руке у него был не пистолет, а черный гуттаперчевый нож. И, прежде чем растерянный Нессельроде успел понять, что делать дальше, парень крутанулся на ноге в низком приседе, подбил ноги штабс-капитана и мгновенно оседлал его. По-

бедитель сначала бесцеремонно ткнул Нессельроде маской в пыль, а потом, схватив жертву за волосы (фуражку тот успел уже потерять), задрал штабс-капитану голову и, работая на публику, медленно провел по горлу лейтенанта резиновым ножом. Зрители ахнули; какая-то из дам истерически вскрикнула – так натурально было это движение, что несчастная ожидала, видимо, фонтана крови из перехваченной лезвием гортани.

Потом барон и сам герой дня долго извинялись и перед гостями, и перед хозяином «праздника» подполковником Фефеловым, а заодно и перед Нессельроде, слегка огорошенным таким вольным обращением со своей персоной. И то сказать – все же о том, что благопристойные маневры с демонстрацией хитрой французской новинки может перейти в вульгарную рукопашную схватку, они не договаривались. Смущенный Ромка долго оправдывался, что, мол, увлекся, и в знак примирения подарил Нессельроде нож-мультитул; штабс-капитан принял подарок с нескрываемым интересом и тут же принялся рассматривать его, одно за другим открывая разные хитрые приспособления. Разбитые в пух и прах офицеры вели себя по-разному: кто угрюмо молчал, кто нарочито добродушно похлопывал победителей по плечам – почему-то все время мальчишек. Яша с Николкой, тоже изрядно удивленные таким итогом пари, отмалчивались; Ваня же, наоборот, купался в лучах славы.

– Однако ж, господа, удивили, удивили! Кто бы мог по-

думать – впятером, против господ офицеров! Ну ладно, вы, барон, лейб-гвардеец, на Балканах воевали. Но остальные – дети, гимназисты!

– Ну не такие уж и дети, Владимир Алексеевич, – не согласился Корф. – Вон Роман – весьма даже умелый вояка. Кое в чем он и мне фору даст…

– Но остальные трое – дети, как есть! К примеру, вы, молодой человек, – и репортер обратился к Николке. – Вам сколько лет, пятнадцать?

– Четырнадцать только, – выдавил Николка. – Он был ужасно смущен, попав в центр внимания столь представительного общества. Кроме Гиляровского, вокруг них с Корфом собрались около десятка офицеров, в основном гостей подполковника… Фефелов и сам присутствовал; остальные офицеры, участники представления, развлекали многочисленных дам.

– Значит, вы в пятом классе гимназии? – уточнил кавалерийский ротмистр, невысокий черноусый живчик в мундире Нежинского гусарского полка. – И что же, у вас вот эдакой-то военной науке учат? А мне племянники, представьте, ни слова ни о чем подобном не говорили!

– Ну что вы, ротмистр, – усмехнулся подполковник. – Все это – исключительно личная инициатива нашего дорогого барона. Он, видите ли, решил продемонстрировать нам плоды некоей иностранной методы обучения юношества военному делу. Что из этого получилось – судите сами.

– И где же такому учат? – уточнил другой гость, пехотный штабс-капитан. – Вроде бы ни у французов, ни у англичан такого нету. Может, немцы? Вечно они что-то такое придумают…

– Да, недаром Францию победил прусский учитель. – усмехнулся Фефелов. – Умеют немцы обучение наладить. Однако должен разочаровать вас, дорогой капитан: наши гости учились не по немецким учебникам.

– А откуда же такая премудрость? – продолжал допытываться гусар. – Уж очень необычно… нигде такого не видел! Прямо башибузуки какие-то…

– Америка, господа. Вот отец Ивана, – и Корф кивнул на мальчика, – был офицером в войсках аболиционистов. Там и научили. Ну а красящие ружья – это уж мы сами заказали, тоже в Америке. Не вы один, господин Нессельроде, слыхали об опытах капитана Дюруа. Прочли, покумекали, представили чертежик в одну североамериканскую фирму, занимающуюся пневматической механикой, – и вот пожалуйста…

– Это когда же вы успели, барон? – изумился Фефелов. – Мы ведь, кажется, всего полторы недели назад пари заключили. А тут – Америка, чертежи… да и сделать такие вот ладные штучки, наверное, не очень быстро?

– Да я и не говорил, что мы специально к пари все это делали, – ответил барон. – Признаюсь, мы уже с начала лета так вот упражняемся за городом, подальше от любопытных глаз. А пари – уж очень удобный случай выпал показать вам

наши достижения. Так что прошу высказываться, господа…

– Остроумно сделано. И ладно ведь как! – Нессельроде вертел в руках Николкин маркер. В глазах его отчетливо читались зависть и восхищение. – Куда удобнее наших, системы Реклю. А это устройство перезарядки… как вы назвали, барон?

– «Помпа», – подтвердил Корф. – Сиречь – насос. Придумал ее американец, Кристофер Спенсер, года четыре назад, специально для охотничьих гладкоствольных ружей. Как видите – весьма практично.

– А мне вот более интересна эта переносная мортирка, – продолжал тем временем пехотный штабс-капитан. Эдакое любопытное применение старой идеи! Если сделать такую игрушку современными средствами, и чтобы бомбочка летела хотя бы шагов на триста, – получится весьма опасное оружие. Я бы не отказался иметь пару-тройку таких мортирок на взвод. В горах, на Кавказе – исключительно было бы полезно…

– Да, вы совершенно правы, господин капитан, – кивнул Корф. – Это именно и есть развитие конструкции ручных мортирок еще петровских времен. У нас кое-где по крепостям такие по сию пору имеются. Однако же – это совсем новая конструкция: мы думаем довести ее до ума и предложить военному ведомству. Так что, если кто заинтересуется, господа, – прошу принять участие в работе…

– Это все, конечно, замечательно – ружье помповое, мор-

тиры, – вставил Гиляровский. – Но я бы хотел поинтересоваться, господин полковник, как вы намерены использовать и далее опыт обучения? Ведь согласитесь, господа, техника техникой, а выучку наши молодые люди продемонстрировали просто отменную. Вот вы, к примеру, – и репортер обратился к стоявшему несколько в стороне мальчику в кадетском мундире, – не расскажете, учат ли таким приемам вас, будущих офицеров?

Сережа Выбегов (а это был он) только пожал плечами. На него, как и на других гостей, произвела огромное впечатление устроенная Корфом демонстрация; и теперь он остро переживал, что заранее не знал о столь увлекательной затее. Досадовал кадет, конечно, на свою кузину, Вареньку – уж она-то могла бы и заранее рассказать, что за сюрприз готовят ее новые знакомые! Тогда, глядишь, ему и не пришлось бы торчать среди зрителей: мог бы и сам отличиться, вместе с этими ловкими молодыми людьми и удивительными приспособлениями.

– Ну что вы, Владимир Алексеевич! – ответил за юношу Фефелов. – В кадетских корпусах программы двадцатилетней, если не более, давности; прежде там хоть какую-то новинку внедрят – это же сколько лет пройдет… Конечно, Михаил Ива́нович Драгоми́ров пытается внедрить новейшие приемы обучения, но и в войсках-то дело идет со скрипом. А уж кадетские корпуса… – и подполковник безнадежно махнул рукой.

– Ну так, может, вам попробовать зайти, так сказать, с другого конца? – стоял на своем Гиляровский. – Я понимаю, в кадетском корпусе программа военного обучения высочайше утверждена, но вот, скажем, в гимназиях их вовсе нет! А видите, каких успехов добиваются обычные гимназисты при разумном обучении? – и он кивнул на Николку с Ваней.

Мальчики немедленно надулись от гордости, а Ваня с торжеством поглядел на стоящих в компании Сережи Выбегова девочек.

– Может, организовать своего рода кружок при какой-нибудь из московских гимназий? Уверен, господин полковник сможет представить возможность упражняться на плацу Фанагорийских казарм, а господа офицеры со своей стороны посодействуют. Дело-то весьма полезное…

– А что, разумно, – кивнул черноусый кавалерист. – Помоему, господа, барон весьма убедительно продемонстрировал пользу такой новинки. Я бы предложил открыть подписку на это начинание среди офицеров московского гарнизона. Уверен, мы и градоначальника убедим поддержать этот прожект. Вы в какой гимназии состоите, молодые люди? – обратился он к мальчикам.

– В пятой классической, – поспешно ответил Николка, прежде чем Иван успел сказать хоть слово. – Это на Земляном валу, знаете…

– Вот и отлично, – проговорил гусар. – Вам, барон, директор гимназии наверняка не откажет, а мы уж займемся

сбором средств по подписке. Так, господа? – и гусар обвел взглядом публику. Гости, в их числе и дамы, заинтересовавшиеся «педагогической» беседой, согласно закивали. – Вот и госпожа Алтуфьева, – гусар кивнул своей спутнице, средних лет даме с надменным выражением лица, – не откажет, верно, почтить сие благотворительное начинание своим вниманием. Не так ли, Наталия Владимировна?

Наталья Алтуфьева, супруга московского обер-полицмейстера и родственница живчика-кавалериста, была известна всему городу своими благотворительными балами и пикниками. Ее лотереи в пользу то сирот, то воспитательных домов собирали неизменно весьма крупные суммы.

– Вот и отлично, господа, – подвел итог репортер. – А я со своей стороны напишу статейку в «Московские ведомости» об этом полезном начинании…

– Ну, мы с тобой попали, – Ваня толкнул приятеля локтем. – Теперь заставят с этим клубом возиться. Господину барону если уж что в голову придет – все, пиши пропало. Что желать будем – ума не приложу… Ром, может, ты поможешь? Типа кружок «Юный десантник»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.